

АЙРИН ДАР

ЗМЕЕВА НЕВЕСТА И ПОСЛЕДНИЙ РЫКАРЬ

Айрин Дар

**Змеёва невеста и
последний рыкарь**

«Литнет»

2024

Дар А.

Змеёва невеста и последний рыкарь / А. Дар — «Литнет», 2024

Даже Змей Горыныч мечтает о любви. А потому ждёт столетиями ту, что предначертана богами. Сияна не ведает, что её суженый не рыкарь, что может обращаться в бера, а само зло. Свадьбы не будет! Девка похищена. Слав идёт на выручку, взяв с собой приبلудившегося дурня, который на самом деле переодетая сестра невесты. А Горыня вместо радости, отправляется в Навь, чтобы спасти Сияну, которая угодила туда не по своей вине. Боги Нави, Боги Прави, низшая демонология и сказочные мотивы. Пустите сказку в своё сердце. Автор обложки - Лина Калина. Продолжение ежедневно

© Дар А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Глава 17	37
Глава 18	40
Глава 19	42
Глава 20	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

Треск кустов и рык, леденящий нутро, разносились по округе. Грудь горела от бега быстрого, пока голые пятки сверкали меж деревьев. Поди нагнал почти. Да и куда ж от зверя лютого схорониться, что и не зверь вовсе, а человек. Неровен час вонзят когти в плоть девичью, и нет больше на свете Зарушки, красы ненаглядной.

Говорил же тятка: накличет на свою судьбу беду.

А соснам что? Знай - тyani свои пушистые головы к солнышку, потряхивай кронами, где бельчата нашли приют. Взирают исполины на мир, устало поскрипывая стволами, кряхтят горестно о жизни лесной.

Кто ж знал, что поди она глянуть одним глазком на чудо, такое выйдет.

Слухи шли, будто объявился в соседней деревне рыкарь. Тот, что оборачиваться в Бера горазд. Да не просто так пришёл, а судьбу искать, девицу, что своей назовёт. Такой сразу почёт и уважение. Ещё бы, суженая Бера!

Заряна только издали глянуть хотела на рыкаря этого. Пригож ли, крепок. Нет ли у него роди медвежьей. А пуще прочего хотелось узреть, как оборотничать станет. Мыслимое ли дело, чтоб мужик в Бера воплощался. Мож то сказки детские, да не боле.

- Гляди у меня, Зарка, коли ослушаешься, - Сбыня трогал остриё топора, что только наточил. - Лес для девки - погибель верная. Только нос сунь, сразу нечисть за собой утащит. Хозяин нынче лютует, уж третью себе в жёны уводит.

- Пойду, - топнула ногой, чуя, как впивается камень острый в ступню, только зубы сильнее сжала. Не ойкнула, аки девица.

- Запру! - рычал тятка. - Как есть запру! Научу тебя отца почитать.

- Да пусти, - мать поправила рогатину, где натянулась струной верёвка из пеньки, - ежели сердце просится. Пуцай токмо по опушке.

- Так там на целый день день дольше! - возроптала Заряна.

- Горазда сказки сочинять, - расхохоталась Умила, - ну какой день! Как с солнцем выйти, так не успеет прямёхонько в небе встать, воротиться обратно.

Из добротной срубленной избы выбралась старшая, Сияна. Ликом светла, кожей бела, глаза, как нёбушко в ясную погоду, синь от края до края разливающее. Брови двумя встревоженными собольками по челу скачут, а в руках веретёнka. Вышла и на родичей поглядывает, никак отпустят?

- Напрямки, через лес скорей обернись. Только выйду, а уже тут, - не отставала Заряна.

- Совсем ополоумела?! - отец бросил топор, что до времени в руках держал, и сплюнул на землю. - А как приберёт тебя к рукам Хозяин? Уж в полную силу вошла, жениться пора. Учует, уведёт в чашу да поминай, как звали. Неужто забыла Жданку?

И верила, и не верила Заряна в сказки детские, что старики бывало сказывали, когда в избе полумрак. Токмо слышно, как свеча потрескивает. Чадит пламенем, к потолку главу горячую тянет. Одна манёхонькая, а всё ж различается, кто где расселся.

На полатах по руку левую дед Щукарь, что глаз не так давно на сук напорол. Днём страшно на него глядеть, а как солнышко уйдёт, попригляднее кажется. Рядом бабка Божена, что с молодости красой славилась. А теперь время всё поело. Тут же Власий, дед по крови, что не сегодня-завтра Чернобогу душу отдаст, уйдёт в мир Нави за пращурами.

Свеча непростая была, зачарованная. Богатство отцу от Власия досталось, а тому от его деда, а тому Перун ведаёт откуда. Только жги-не жги - всё не кончается, и огонёк куда ярче того, что видали когда-либо. Потому часто в избе люд собирався. Сказки сказывал да слухи, что у других деется.

Вот два дня как Заряна и услышала про рыкаря, что последний будто. Только мало ли земля слухами полнится. Самой до жути охота глянуть.

Не пустил тятка, так сбежала. Углядел токмо, когда коса меж деревьев мелькнула. И разносилось за спиной Заряны её имя отцовским голосом.

- Дай защиту девке неразумной, - сказал Сбыня, глядя вслед младшей дочке, а та всё дальше и дальше в лес забегала.

У дерева сухого остановилась, до земли поклонилась, в дупло угощение для лесных духов уложила и дальше спешить.

До места быстро добралась, и даже увидала того, кого бером кличут. Высок, будто не человек, а гора, плечи, как плуг пахотный, взгляд суровый, хмурый, будто нет никому веры. Руки - не обхватить, силищи в них немислимо.

Сидит на земле, а вокруг девки стоят, косы теребят. Перешёптываются, посмеиваются. Глазищами на воина эдак морг-морг и долу.

Лучшие рубахи из ларей достали, сарафаны, очелья. У кого железное, у кого домотканое, а кто побогаче сребро надел, показать, что достаток имеется.

- Уважь нас, кмет, - глаголет староста. - Бери девку любую, каждая за почёт примет.

- Отчего ж ты меня так кличешь? - сдвинул брови сурово Бер. - Не кмет я вовсе. Славом зови.

- Добро, Берислав, - на свой лад определил староста. Рыкарь губами пошлёпал, будто на вкус имя пробовал, и доволен остался.

- Выбирай, - опять за своё мужик принимается. Встаёт Бер, скользит взгляд по девкам, что одна другой краше, да ни на ком долго не задерживается. - Неужто ни одна? - недовольно выпячивает губу жена старосты, когда мимо её девки рыкарь прошёл.

А тот носом повёл, будто зверь лесной. Впивается глазами в народ, что поглазеть собрался, выискивает что ли кого-то.

- Да голову он нам крутит, - вмешалась одна из баб. - Мож и не умеет ничего, токмо бровями водить.

Поднялся смех, волнами пошёл, а за бабой дети подхватили.

Осерчал Берислав. Знает, силу потом отсыпать придётся, да негоже, когда над тобой народ потешается. Зарычал так, что разом смолкли все, и тут же на глазах руки в лапы стали обращаться, когти длинные, зубы острые, морда шерстью поросла. И взаправду Бер! Завизжали девки, врассыпную бросились, кто куда, да и мужики, что не робкого десятка, посторонились. И остался на поляне только староста головой качать.

Такой страх Заряну обуял, что дёрнулась и к лесу, только не знала она, что следом за ней погоня приключилась, и нонче день, что враз положит начало всему, что с ней станется.

Приветствую всех в новой истории. Надеюсь, она придётся по вкусу любителям жанра. Не забудьте добавить книгу в библиотеку, поделиться мнением о начале и поставить звёздочку, если хотите поддержать автора. На начальном этапе эти действия просто необходимы, чтобы книгу увидели как можно больше людей.

Спасибо, что со мной. С уважением, Айрин Дар.

Глава 2

Летит стрелой Заряна, ног под собой не чуя. Вот уж жар позади из пасти звериной разливается по спине. Взмолилась Хозяину, чтоб помог, и будто услышал. Только пробежала по тонким веткам, как позади что-то хрустнуло, ухнуло и раздался громкий стон. Обернулась девка - никого. Ну вот только ж был и не стало. Сердце в груди трепещет, и нет бы сбежать, да окаянное ответа просит.

Глаза, как тарелки огромные, будто в родных у неё не мать с отцом, а совы ночные. Подобралась к яме, что кем-то прикрыта была, и глянула вниз. Ухнуло всё внутри. Глубока и черна. А на самом дне диво дивное. Токмо медведь за ней гнался, а теперича опять в мужа обернулся. Только, ой срамota, вовсе голый. Лежит на боку, и кто ведаёт, жив ли мёртв.

- Эй, - позвала Заряна, тут же от края отступая, и земляца вниз посыпалась из-под ног босых прямо на волосы русые. Но не отозвался рыкарь.

Огляделась девка, шишку нашла и прямёхонько в лоб беру кинула. Зашевелился тогда мужик. Живой, как есть живой. Оттого на душе радостно стало.

До дома рукой подать. Отец ждёт, поди, как завещал - накажет. И как теперича этого прикажите оставлять? Да и вызволить девка его не в силах. Побродила вокруг, ничего не сыскала, решила домой идти, там верёвку раздобыть и назад воротиться.

Идёт мимо домиков, что в землю вкопаны. Без окон, без дверей, лишь вход чуть меньше её самой, а полог его прикрывает. У всех тут почти такие, это тятка учудил с их избой, что над землёй подымается выше роста человеческого. А поверх этажа светёлка, где Сияна любит рубахи да полотенца вышивать. Всё приданое себе готовит.

Ненавистна такая работа Заряне, да что поделать, ежели на роду бабьем это написано. Её б воля, мужем была. Этим в поле трудиться, коров да овец приглядывать, а можно в путь отправиться.

Но как только ступила на порог, ухватил её Сбыня за косу и в клеть. Бьётся птицей Заряна, пустить её просит. А как воротится снова, так будет хоть год тут сиживать.

- Ишь, - подставляет под дверь увесистый короб Сбыня, что не сдвинуть никак. - Три дня тебе на думы, чтоб отца почитала. С сестры пример бы брала.

- Да я что, тятя, - качала головой Сияна. Домашняя больше, ласковая. А младшую будто полуночница в зыбке подменила. Были ещё два мальчика, но Чернобог к рукам ещё младенчиками прибрал, так и остались вчетвером.

- Таковую лучшему воину в жёны давать можно, - всё говорил Сбыня, - а ты ...

Он не закончил, сплюнул на земь и в поле отправился. Наказ дал из клетки беглянку никуда не выпускать, слава Перуну, что живая воротилась.

Сбыня завсегда леса боялся, хоть и домом тот его одарил крепким да ладным. Легли сосенки друг на друга, обхватились по краям, и замерли. А под ними по четырём углам задобрыши, чтоб дом крепше стоял. Поначалу зерна под один из углов насыпали, под второй шерсти овечьей, третий угол пёрышко забрал, а четвертый локон девичий.

Крепок дом, простоит долго, а всё потому, что деревья верные Сбыня подбирал. По завещантам не трогал больные, старые и высохшие. Такие мёртвыми считаются да приносят в дом болезни. Не трогал и те, что на дорогах растут, где народ хаживал. Эти буйными назывались да могли вред в строительстве нанести. А ну как такое упадёт на кого да пришибёт? Традиции почитать завсегда надобно, тогда и духи благоволят будут.

Отошёл Сбыня от клетки, Саяна тут как тут.

- По делу сидишь, аль не вышло ничего?

- Видала рыкаря этого, - зашептала страстно Заряна, вспоминая зелень его глаз да властный взгляд. - И впрямь обращаться горазд.

- Не врут?! - ахнула Сияна, руки к груди притягивая. Уж ежели сестра об том рассказывает, как не верить. Видать, взаправду такое на свете случается. - И кого ж выбрал? - спросила, а самой хочется, чтоб и сюда пришёл. Неужто в их деревне не найдется с десяток красивых девок? Да хоть бы и она. Подумала о том Сияна, и щёки заревом вспыхнули. Никогда не видала рыкаря этого, а уж верит, что приглянуться ему может. Показала бы себя да согласия не дала. А может враз передумать, когда сама Бера увидит.

- Плечи, вот такие, - описывала Заряна.

- Какущие? - переспросила сестра, которая и не видела ничего.

- Пусти, покажу.

- Тятя нарёк, как послушаться?

- Так пенёчек убери, скажи, сам упал.

- Не могу, Мокошь видит, не могу!

- Ничего она не видит, - прошептала себе под нос Заряна. - А ты та ещё дурёха.

- Что? - не расслышала старшая.

- Нет больше Бера, - оповестила её сестра.

- Как нет? Уехал?

- А вот так. Был и вышел. Открой, Сияна, в лесу он, сподмочь надобно. Лежит в яме у черной топи.

- Ой, завираешь, - не соглашалась старшая.

- Могу хоть чем поклясться!

- С тебя станется.

- Не веришь? - основала Заряна. - Поди ж глянь! Там где три сосны меж собой переплелись.

- Нельзя в лес, что ты! - не соглашалась Сияна.

- Заячью душу в тебя Род вложил.

Разгневалась Сияна, раззадорила её сестрица. Мож одним глазком глянуть? Угощение куда следует уложит да быстро обернётся. Уж бывала в лесу, пока отец не ведал.

- Янка, - Заряна приложилась к щёлке, высматривая сестрицу, а той уж и след простыл.

Глава 3

Уж солнце к земле клонится, неровен час тьма деревню окутает. В такую пору не то, что в лес, меж домов ходить боязно. Ежели верить, что нечисть в силу вступает. Завлекут, обманут, уведут.

Да не все такие. Есть и те, что люду помогают. Вон хотя бы Баган, что рогатый скот от болезней и припадков хранит. Или Домовушка, без которого и дом не дом.

Еле дождалась Саяна утра, а как солнце встало, сразу в лесок. Ежели кому помощь требуется, она визнает, что сделать надобно. А там и тятку позвать можно, и Вернигору, и Третьяка. Уж втроём завсегда справятся.

А что свататься к ней Вернигора ходил, то ничего. Не легла душа на парня, пущай простит. Любить она суженого хочет, чтоб сердце в груди трепетало от одного взгляда. А в деревне ни от кого не трепещет. Мож пора не подошла, хотя годков много – девятнадцать. Уж подруги все по обрядам выданы, а они с Заряной из родительского дома вылетать не собираются. А всё потому, что не запал в сердечко ни один молодец.

Кралась Сияна, как тать последний. Страшилась, что узреть её могут, выследить, требовать ответа, что в лесу за дело такое имеет. Как только сосны за спиной сомкнулись, пуще припустила. У дерева нужного остановилась, вложила пирога сладкого, что недавеча сама испекла. Хозяина задобрить.

- Кушай вволю, Берстук, - обратилась к нему. - Житьё своё подсласти.

Вот уж сухое древо позади, а тут малинник, куда медведь лакомиться приходит, а вон уж и сосны, что меж собой переплелись. Остановилась, в звуки вслушиваясь. Ничто не берedit воздух лесной. Подошла ближе, огляделась. И впрямь яма. Ступает Сияна мягко, будто спугнуть боится того, кто там сидит.

Наклонилась, в темень всматриваясь. То ли пусто, то ли густо. Глазам ухватиться не за что.

- Ау, - негромко позвала, как душу заблудшую. Тихо. Лишь сороки где-то потрескивают, новость передавая.

- Ауууу, - протянула сильнее.

Не отзывается никто. Обошла яму, точно пустая. Только у самого края следы глубокие, будто карабкался кто.

Огляделась, испуганно. Только сейчас поняла, что в лапы к самой смерти себя отвела. А что, ежели человек дурной или зверь лесной? Куда девке одной с таким совладать?

Бросилась без оглядки обратно, обещая, как воротится, больше Заряну слушать не станет. А то поди ты и её за собой утащит в глупости свои. Пущай отец хоть на одну дочку радуется.

Сповезло. Тятка с рану овчину в деревню соседям повёз, мену делать. А мать корзину плетёную стала, старая совсем прохудилась.

- Где была? - спросила у дочки Умила. - До свету встала?

- На реку ходила, - не моргнув глазом соврала Сияна. - Птицы особливо хороши на восходе.

Умила удивлённо глаза округлила. Ба. Что за дурь такая нынче про птиц.

- Гляди мне, ежели до свадьбы кому девичество выдашь.

- Смерть это верная! - сдвинула брови Сияна. - Срамота немыслимая. Лучше сразу в лес уйду в невесты Берстука.

- А на кой тогда нужна ему? - усмехнулась Умила, прутья переплетая. - Всем чистых подавай, даже лешему!

- Зара всё в клетки сидит? - нехороший разговор меж ними начался. Лучше про сестрицу узнать.

- Да куда ж ей деться, - пожала плечами мать. - Ежели Сбыня сказал, так тому и быть. Заряна от еды отказалась.

- Не лезет ничего в потёмках, - гулко раздавался голос за дверью. - Да и думаю всё про рыкаря этого. Накажут меня боги, что смерть ему учинила.

Неужто и впрямь страдает девка из-за того?

- Нет твоего рыкаря там, - решила не томить сестру Саяна.

- Почём ведаешь?

- Глазам верю. Мож и был, только нынче земля взрыхлена у самого края, а на дне пусто.

- Выбрался? - ахнула счастливо Заряна, и будто гора с плеч её свалилась. Не взяла грех, сдюжил, выкарабкался. А, мож, помог кто.

- Ну давай, чего там принесла, - решила утолить голод. И как дверь открылась, приняла благодарно из рук сестры хлеб, позволяя себя обратно запереть. Теперича можно и наказание благодарно снесть.

А к вечеру объявился на пороге русич. Суровый взгляд, брови хмурит, будто виновных в чём здесь видит. А рядом с ним мальчонка Жировита рукавом нос утирает. Манёхонький, лупоглазый, нос вздёрнут, а по лицу солнышко разбрызгалось.

- Вот она, - указал на Сияну, и от слов его сжалось сердце девичье.

Глава 4

Пришёл в себя Слав ночью тёмной. Неподалеку волки песню свою заводят, луне поклоняются. То просто звери, не оборотные. Он и сам лишь недавно познал силу свою, что с бером едины. А дело было вот как.

В маленькой деревушке, что отсюда незнакомо сколько дней ходу, жил Слав со своей семьёй. Четыре брата да сестрица, мать да отец, бабка да дед. Семья большая, дружная. Бортничеством отец промышлял, а сынки на подмоге. И повадился к ним Бер лесной мёд из ульев таскать. Они уж и место меняли, и рогатинами всё обставляли. Всё одно - нет с ним сладу.

Как водится, ходили туда все вместе. Кто в котёл колотушкой бьёт, чтоб из дали слышно было, кто кричит на всю округу, мол, убирайся, косолапый. А тут увидал Славка издали Бера, что мёдом лакомился, да припустил скорей богатство спасать.

Подскочил, ухватил рогатину, а медведь и не услышал. Нос в горчичной жиже ароматной, пчёлы кружат вокруг, пробиться чрез шерсть длинную не могут, а морда татя в улье схоронилась, мёд лакает. И уж что ему до тех укусов, ежели сладко.

Ухватил Слав рогатину да вонзил её в бок медвежий.

Заревел зверь раненый. Ухватился лапами за короб, снять пытается. А Слав всё больше телом наваливается на рогатину. Размахнулся медведь лапой, попал в парня. Отшатнулся Слав, а Бер уж от улья освободился. Рёв поднял, на обидчика ринулся. Обнял так, что в глазах у молодца потемнело и дух перехватило. Слав зверя в ответ обхватил. И пошла у них борьба не на жизнь, а на смерть.

Народ сбегался глядеть, что стряслось. Кончились силы медвежьи. Упал он на Слава, собой придавливая. А и тот без сил, без дыханья, что думали, будто помер. Раны от когтей глубокие, кровь рубаху да порты залила. И так глубоко в одном месте ему лапа в рёбра вошла, что насилу вытащили. В доме выхаживали. Мать Живе молилась неистово, всё просила сына обратно вернуть. И не ведали они, что не просто воротится к ним Слав из чертогов Чернобога, а силу невиданную получит.

Заросли раны быстро, затянулись так, будто ничего и не было. А как пошёл однажды в лес парень, ощутил, что по-новому видит его. Каждый запах чует, каждый звук слышит. И обращение там у него случилось. Не помнил себя до поры, будто во сне где-то зверем бродил. Очнётся без одежды, уяснить не в силах, что такое. А потом сказки, что в детстве сказывали, смысл обрели.

И почуял Слав в себе силу немыслимую, научился зверя своего укрощать. И стал глазами его видеть и слышать.

И пошла о нём Слава, каждый с уважением смотрел и боязнь. А ну как разобидит рыкаря? Пришла пора судьбу свою искать, и сердце толкало его за пределы родной земли. Будто чуяло, что где-то ждёт его суженая.

Прошёл уж столько дорог, но родную душу не встретил. Пригожи девки, знают толк в хозяйстве, а всё не ложится сердце ни на одну, будто верит, что ждёт его любава где-то.

И теперича смотрины ему устроили. Оглядел всех, носом повёл, будто воздух вокруг каждой унюхивал, и почуял же что-то. Сердце затрепетало. Кажись, есть среди всех та, что сердцу мила будет. А тут бабы насмеяться давай. И обратился, чтоб доказать всем, что горазд.

Завизжали девки, врассыпную бросились. А среди них одна, что будто за собой звала. Потому и бросился следом. Уж как она среди деревьев бежала. И уж догнал, да яму кто-то глубокую выкопал.

Очнулся в ней только ночью без портов. Ох уж эта сила оборотная. Беру одёжа ни к чему, а вот Славу щеголять голышом — дело негодное.

Сильные пальцы вошли в мякоть земли. Другой бы не выбрался, а этот раз за разом цепляясь на волю торопился. И кто знает, идти куда. Только мелькнул меж деревьев образ девичий, за собой позвал. Лесовичка то, Слав сразу признал. Но душа добрая, вывела к деревне. А там мужика встретил. Диву тот дался, кто таков, но разъяснил ему Слав, что случилось. Так порты и рубаху новые получил. Только негоже это одёжу каждый раз на себе рвать. Не напасть никогда другой.

Обычно снимал её бер прежде, а потом уж в медведя оборачивался. Вот бы найти такую, заговорённую. Слышал, будто Ягда такое может. Да где сыскать её – неведомо. Не боле, чем сказки то, думал Слав. Только и про рыкарей тоже. Сколько живёт на свете, всё удивляется, как сказка с явью единяется.

Отлежался у мужика, выпался. А выпрашивать про девку стал, так сын Жировита поведал, что ходила дочка Сбыни в лес напрямиком к той самой яме. Видать, рыкаря искала.

- Покажи дом, - просил Слав. И повёл его мальчишка меж землянок к добротной избе, а на пороге Сияна стоит. И забилося сердце рыкаря быстрее от того, что судьбу свою нашёл. Она, как есть она. Та, за кем вчера угнаться пытался. А значит, обрёл он её.

Глава 5

Пошли слухи по деревне, будто Сияну в жёны берут. Она противиться не стала, когда поклонился до земли рыкарь, руку к сердцу приложил.

- Мир дому вашему, - изрёк так, что у Сияны внутри содрогнулось всё. Голос сильный. А сам такой как есть, как Заряна описывала. И плечи, и взгляд суровый, и волосы русые, и ликом пригож. А уж смотрит в самое нутро, что всё перевертается от того взгляда.

Позволения у отца и матери выпросил. А там через пару дней решено обряд провести, и отправится Сияна вслед за мужем далеко от своего родного дома.

- Да выпусти ты уж Зарянку, - глаголит Умила мужу.

- Пушай думает, моё слово твёрдо. Дам слабинку, так потом сызнова будет перечить. А так наказание понести до конца должна. Чтоб слова я своего не нарушал.

- Сестра у ней мужняя скоро будет, пушай прощается.

- Успеет, - махнул рукой Сбыня. – Моё слово твёрдо. Как пойдут девки на реку, так пушу.

Так и не узнал Слав, что на самом деле девка другая была, как две капли воды похожая на ту, что по лесу, сломя голову бежала. Так и не увидел Заряну, что взаперти думы думала об нём. И радоваться бы за сестру надобно, а сердце будто камень привалил, биться мешает. И про Сияну горестно думать, что не свидятся больше, как только она вослед за рыкарем уйдёт, и про него, хоть и видала только одним глазком. А всё будто противилось нутро союзу этому.

Настал вечер пред прощанием с девичьей жизнью. Пришли подруги к самому дому той, что станет скоро женой. Песню у избы завели, за руки взявшись. Вышла на крыльцо Сияна, свечу в ладонях держит, рубаху ритуальную надела, где обережные символы вышиты. Недавеча сама к тому руку приложила, вот и пригодилось. Длинная рубаха до самых пят, а по вороту красными нитками Жива да Лада вышиты.

Волосы в косу сплетены, что до самого пояса достаёт. Русая, толстая, с малолетства рощёная.

Ступает Сияна босыми ногами по земле, что от солнца остывать стала.

Дрожит огонёк в руках, да не тухнет, тьму ночную освещая. Встала вперёд остальных, за собой на реку повела. Будут там они хоровод водить да просить Ладу союз сей благословить.

Лада-матушка, всеотрадушка,

Во Сварожии всепригожая,

На земле храни своих чадушек,

Благами дари честных женушек,

На поля сойди, плодородная,

Чреву зароди чадо родное,

Вовеки пребудь с нами благодатна,

Горе отведи, мати радостна!

Идёт Сияна, мягко ступает, а позади девки гуськом по полюшку бредут, посмеиваются. И не видит ни одна, как издали тень крылами машет, всё ближе и ближе становится. Темна ночь. Ежели б не огонёк, не отыскать на поле друг друга. Месяц за облаком хоронится, звёзд почти не видать, кое-где мерцают, будто глаза у чудища, остальные и вовсе показываться не желают.

Кто-то шутку сказал, рассмеялись девки, разнёсся смех по округе. Кто-то сказал, что завидовать Сияне будут, что такого мужа обрела.

А тень всё ближе, на огонёк летит. Видит: непростой он, а из самого сердца горы острова, что домом ему уж почти пятьсот лет был. Там, где река огненная течёт, там, где свет янтарный блещет. Почуял издали, будто зовёт его кто. Поднялся в небо и летел, покуда не узрел с вышины то, что пело сквозь горы и моря.

- Ой, - ахнула одна девка, на землю падая, как только увидела, что в небесах огромное мечется, а за первой и другие посыпались. Завизжали, а кто и врассыпную бросился. Одна Сияна тревожно в небо вглядывалась и будто видела, как несётся в её сторону что-то огромное и ужасное. Дрогнуло сердце, в пятки упадая. Бросилась она бежать без оглядки, и нет бы выронить свечу заговорённую, да токмо с ней девка спасенье своё искала. Слишком дорога, слишком важна для семьи её. Стеряешь, на глаза отцу не показывайся. Зарянка за меньшую провинность три дня в клетки провела. А тут свеча, что от прадедов досталась. Такую боле не сыскать на свете.

- Сияна, - крикнула сестра, глядя, как огонёк всё дальше от деревни ускользает. Бросилась следом, пытаясь невесту вернуть, как ветер от крылов могущих отбросил девку прямо в траву, примял стебли, загребая воздух, и ринулся вслед беглянки. Давно Змей не лакомился девками, обряды старые не чтит. Не показывался, что позабыли о том, что есть на свете Горыныч, кто в страхе округу держал. А всё потому, что совладать сам с собой пытался.

Страшно. Ох как страшно было ещё оттого, что не знала Сияна, кто за нею гонится. Что за зверь невиданный в воздухе кружит. А когда почувяла, как вонзились когти в плоть, обхватили так, что не выдохнуть, ахнула. И подняло её чудище вверх, оторвало от земли, унося всё дальше и дальше.

- Сияяяяянаааааа, - кричала Зара, горькие слёзы по лицу размазывая, только огонёк всё дальше и дальше в небо уносился, оставляя Заряну без сестры, мать да отца без дочери, рыкаря без невесты.

Глава 6

Сколько не силилась разглядеть Сияна чудище, ничего не вышло. Огромное, когтистое, того и смотри – душу вынет, девицу сгубит. Ничего ему не стоит лапы сильней сжать, и выйдет жизнь из невесты. А свеча всё говорит, светится огонёк в ночи средь облаков, маленькой точкой мерцает, будто звёздочка. И думает Сияна, что жизнь её кончена. Замирает внутри всё от высоты такой. Не могут люди летать, против природы это. Чай не птички. А погляди – высоко она над землёй, что под ней проносится. И видны отсюда деревца, будто игрушечные.

Говаривали старики про чудище о трёх головах, что девиц невинных пожирает. Да когда то было? Кажись, ушли в землю все те, кто глазами своими страсти такие видал. Народился другой люд, что только из уст в уста друг другу истории перекладывал. Только, как есть, Змий, некому больше.

Уж светать стало. Солнышко будто потягивается, голову приподнимает. Вставать намерено. Открыло глаз, из-за горы на Сияну поглядывает. А впереди море-океан раскинулось. Ветер злее стал, прохладнее. Юбку трепет, того и гляди весь срам откроет. Только что об том думать, ежели жизнь кончена.

Вот уж летят над океаном. Никогда такого Сияна прежде не видывала. Воды столько, что можно всю землю покрыть. Куда не глянь от края до края синие потоки разливаются, и дна не узреть. А впереди будто суша. С одной стороны скалы высокие к небу стремятся, с другой будто лесок, а там подальше жёлтое что-то, как земляца, да не она вовсе.

Принесло её чудище на землю невиданную, что отсюда до сторонки родной Перун ведаёт сколько ходом. Разомкнул лапы когтистые, и упала Сияна на рассыпчатую землю жёлтую, а в руке всё свеча горит, не кончается. И что теперь отцу да матери делать без свечи той, без дочери ненаглядной.

Опустился грузно рядом, да так, что земля под ним дрогнула. Огромный, лапы чешуйчатые, когти острые. Кожа ржавью отливает. Закрылась испуганно девка, будто найти её он теперь не в силах, и лежит, со страху помирает. Чует его дыханье на коже своей. Горячее, зловонное, сильное. Будто корова ноздрями принюхивается, только куда боле. Уткнулось ей в плечо что-то, и тут же жаром обожгло.

- Поди прочь! - закричала, что есть мощи. Оттолкнула морду мерзкую, что изучить её пыталась. Глянула и обомлела. Смотрел на неё глаз агромадный, что с сынка Жировита размером станется. Будто янтарный, а посеред чёрная щёлка зрачка. Совсем как у змей.

Ахнула, дальше отползла и принялась Живе молитвы посылать. То ли спомогло, то ли самому ему вздумалось, но развернулся Змий и прочь полетел, хвостом её задевая так, что больно ударила о камень. Одну её оставил. Испуганно Сияна огляделась, отползла к деревцу, что одиноко тут стояло, руку к глазам приложила, разглядеть пытаюсь, как чудище выглядит. Только солнце так в глаза светит, что не увидеть. Мелькнул хвост, и скрылся Змий за высокой скалой, будто и не было его никогда.

Поднялась Сияна, свечу затушила. Заговорённая она. От ветра не гаснет, но человек завсегда успокоить огонёк в силах. Впереди вода в землю жёлтую плещется, вокруг кусты какие-то, лес позади. И таких деревьев Сияна прежде не видала. Жила всю жизнь в деревне своей, только в лес и ходила. Пугал тятя Хозяином лесным, а вышло совсем иначе. Теперь её чудище заморское съест.

Сидеть на месте и дожидаться, пока вернётся оно лакомиться девкой, Сияна не станет. Поднялась, рубаху отряхнула. Остановился взгляд на вышивке обережной. Не сберегла, не сдюжила супротив силищи немыслимой.

Вдали рык послышался звериный. Да такой, что нутро ледяной водой будто окатило, а потом жаром вспыхнуло. Испуганно на небо взглянула. Не воротится ли чудище? Только

нёбушко такое светлое, безоблачное, как над родной деревней. И заплакала Сияна, жизнь свою жалея.

Хотелось ей невестой стать, а теперича придётся смерти вдали от родных дожидаться. Уж лучше б он её сразу сожрал, чем в страхе жить, меж камней хоронится. Выплакала слёзы, только чего сидеть? Решила осмотреться, может, и другие девицы тут где-то прячутся.

- Ауууууууууууу, - позвала тихонько, всё на небо поглядывая. И как только вчера сразу не заметила, что опасность над ней парит. – Аууууууууууууууу, - кликнула громче.

Разнёс ветер её голос, да никто на него не вышел, не показался. То ли бояться, то ли нет никого. И снова рык звериный пронёсся по округе, будто гром, что Перун по небу рассылает. Никак вернуться зверь хочет, полакомиться ей. Неясно, отчего сразу ничего делать не стал. Может, запах у ней плохой.

Прислонила к носу рубаху. Да нет, свежая. Вчера впервые надела для обряда. Волосы в косу заплетены, только уж выбились, пока по небу летели. Да не о красе нынче думать надо, а об том, как спастись. Подбежала к водице. Ступила – тёплая, ласковая. Токмо держаться на ней никто не учил. Рядом с деревней текла река, да небольшая. Любой перейти по пояс мог. А эта, кажись, глубокая. Прошла несколько шагов Сияна, а у самой всё внутри трепещет. Уж по грудь водица, уж до подбородка дошла. Хлестнула по лицу так, что испуганно отпрянула девка, рот приоткрывая. Солью оказалась вода, как есть.

И как такое быть может? Пить немислимо. Кто ж столько сюда соли насыпал?

Всё не как у них.

Выбралась обратно. Стоит, чуя, как ветер рубаху полощет. И думается ей, что умирать ох как страшно. И кто знает, какую участь избрать.

Глава 7

Слав, как узнал про Змия, места себе найти не мог. Из-под носа невесту увели. И пусть девок по земле много ходит, да выбрал он одну-единственную. Её вернуть надобно.

- Говорят, чудище нашу Сиянку съело, - шептались мальчишки.

- Мирюлюба сама видала, как откусил он ей голову, - вторил другой.

- Да нет же, утащил её, а потом на землю бросил, чтоб сама убилась.

- Да он живое любит!

- Почему тебе знать?!

- А ну цыц! – приказал Жировит, и бросились мальчишки врассыпную, покуда он им в спины глядел.

Принесла нелёгкая чудище, никогда прежде не видывали в этих краях. Кто ведает, сколько на свете ещё чудес. А ежели вернётся за другой? Надобно ухо остро держать.

Плачет Умила, грустно головой качая, а Заряна в угол забилась, будто чует за собой вину какую. Не сберегла сестру, хоть и рядом стояла. Без ней и в избе как-то пусто. Хоть и собиралась она замуж, ушла б и так, а всё одно. Думать, что сестра при муже любимом или от страха где-то помирает.

Услыхала, что Слав в дорогу собрался, с ним захотелось сестру спасти. Только слишком суров. Такой девку с собой ни за что не возьмёт. Прижалась к матери, а та её по голове гладит. Одна, мол, ты у нас с отцом осталась. И рвётся у Заряны душа от того, что сделать хочет, да только чует, будто должна, Поймут они её, как обратно воротится.

Взяла припасов немного, в узел тугой стянула. Кто знает, какой дорога выйдет. Ягоды собирать можно, грибочки. Рыбу ловить отец немного учил, тот же мёд у пчёл диких. Как-нибудь протянет.

Ухватила из сундука вещи отцовские. Глянула на свои ноги босые. Далеко с такими не уйти, а потому и сапожки умыкнула единственные. Пушай не сердает, сестру пойдёт выручать. Взяла нож острый, да на реку отправилась.

Глядит на себя в воду, что отраженье качает. Ухватила за косу и чикнула быстро, чтобы не передумать. Упала пшеничная к ногам, обмякла, как неживая. И так жалко её Заряне стало, хоть вой. Подняла она сокровище, что с малолетства с ней завсегда, прижала к груди, оплакала, да тут же припрятала. Не берегиням ведь отдавать. У тех самих красы немерено.

Огляделась – нет никого. Сбросила девичью рубаху, отцовскую надела, порты да сапожки. Ничего, что великоваты. Другого всё одно – не сыскать. Хотела косу поправить, а нет её. Пусто. И будто руки не хватает, что всю жизнь с собой была. Глянула в реку. Как есть – парень. Улыбнулась себе сама. Не признает в ней Слав девку.

Слышит, как трава шуршит. Испугалась, обернулась. Идёт к реке Вернигора. Тот самый, что жениться на Сияне хотел. Увидел Заряну, брови ещё пуще нахмурил. Оглядывает, а она хотела глаза долу, да вспомнила, что теперь не девица вовсе, потому следует в ответ смотреть. Вынесла взгляд его. Ногу на кочку установила, руки за пояс сунула. Ну как есть мужик. Сама собой довольна.

- Кто таков будешь? – пробасил Вернигора.

- Кто надо, тот буду, - пискнула, понимая, что голос надобно ниже делать. – Помощник рыкаря.

- На кой ему помощник безузый, - усмехнулся парень. Окинул её взглядом сверху вниз и дальше пошёл дорогой своей, а у Заряны внутри сердце, будто лист на ветру трепещет. Того и гляди в кусты вслед за лягушкой упрыгает. Не признал. Как есть не признал, хоть и с измальства вместе играли.

Схватила узел и обратно к деревне. Только лучше на глаза больше никому не показываться. Обошла сторонкой. Только издали мать углядела, что в корытце вещи полоскала. Отвернулась, слезу прогнать пытаюсь, и дальше погла.

Мож, мальчишки какие и видали, да никто не окликнул.

И углядела она, как мелькнула спина рыкаря меж деревьями. Припустила следком, насили догнала, уж Перун ведаёт за сколько вёрст. Обернулся он, услышав, как кусты потрескивают. Принюхался. Будто что-то знакомое, да не признаёт, кто таков пред ним.

- Чего надобно? – издали спросил.

- С тобой иду, - как можно ниже Заряна голос сделала.

- Пушай за детьми няньки следят, а не я, - ответил на то Слав, оборачиваясь, чтоб дальше следовать.

- Я с тобой! – настаивала Заряна. – Сестру мою чудище украло!

Удивлённо уставился на неё рыкарь, будто ослышался.

- Думал, сестра только у Сияны есть.

- И я, - уложила на сердце себе руку Заряна, да тут же убрала. Увидал в том жесте рыкарь что-то девичье.

- Иди к матери да отцу. Сестру вторую береги, а мне некогда, - сказал и снова пошёл.

- Нет! – и столько уверенности в голос вложила, что остановился рыкарь.

- Одному сподручней, не привык я дорогу ни с кем делить.

- Тогда своей пойду.

Уверенно прошла мимо, гордо голову вскинув. Сапоги тёрли, шлёпая туда-сюда. Порты всё соскочить пытались, потому приходилось их постоянно подтягивать. К узелку она пеньку приторочила и на спину перекинула, чтоб в руках не несть.

Глянул вслед ей рыкарь, и чуть левее принял. Не хватало ещё за безусым юнцом приглядывать. А тот не отстаёт. Только Слав отодвинется дальше, расстояние сокращает.

- Да вернись домой, - попросил ещё раз, но Заряна лишь головой покачала.

Глава 8

Сколько бы Сияна не вглядывалась вдаль, всё одно – не видать земли. Лодку делать не научена, по нёбушку летать не умеет. Прислушивалась: не раздастся ли рык звериный или шум крыльев. Да будто забыл о ней Змий, схоронился, а, может, другую девку умыкнул уж где-то. И тягостно думать о том, что беда на землю пришла, и радостно, что есть у неё время хорошенько обдумать положение своё.

Ждать здесь она не собиралась, а потому пошла всё дальше. Остановилась перед лесом, задумалась. Что б хозяину преподнести? Задобрить надо духа лесного, на его землю ступая. Иначе может так закрутить, что обратно ни за что не выбраться. Да нет с собой ничего, кроме свечи. Огляделась – дерево раскидистое, а на нём плоды какие-то. Удивилась она яблочкам наливным, золотым будто. Сорвала несколько и тут же стала дупло присматривать. Не нашла, да так положила. Украсила место цветами, чтоб приметнее было. Слова особые сказала.

Нутро от голода сводит. С утра маковой росинки во рту не было. И снова на яблочки уставилась. А ну как их отведать? Сорвала теперь для себя, об рубаху потёрла. Такой бок стал, что глядеться в него можно. Солнце на кожанку упало, спит, что глаза невольно зажмурило. Не яблоко – жар.

Прислонилась к носу, аромат вдохнуть. И такой сладостный. Будто мёдом липовым намазано. Откусила бок хрусткий, ворвался на язык вкус прежде невиданный. Будто и яблоко то, и не оно вовсе. Съела первое, а там и за вторым потянулась, да передумала. А ну как есть вовсе нельзя? Помнится, как Коротень отлакомился грибочками, да Чернобог его спустя время и прибрал. А всё хорохорился Коротень, что хороши да угощать пытался.

Грибы неприметные, беленькие. Думал, ничего не будет, а теперь с прашурами беседы ведёт.

Испугалась Сияна, к внутренностям прислушиваясь. А они всё одно: есть подавай. Прошла дальше в лесок, оглядывается. То ягоду встретит на малину похожую, да только синюю, то дерево какое с плодом. Но у кого спросить, съедобно оно али нет?

Пронеслась тень огромная над поляной, и прижалась Сияна к дереву со стволом огромным. Защиты у него просит, так Змий и не заметил. А всё потому, что не знал, где искать девку. Притаилась. Слышно, как невдалеке сел грузно. Никак её ищет? И ждала, что обратно полетит, высматривать станет. Только тихо так, а где-то птицы перекрикиваются. Путаётся ветерок в высоких деревьях, где-то ветка хрустнула.

Обернулась Сияна, пока сердце в груди невыносимо бьётся. Что такое? Кто идти может? Хозяин или зверьё тут водится? А, может, ещё девка одна бредёт, спастись пытается.

Обежала дерево, а сама оттуда поглядывает. Уж голод забылся, пока все чувства обострились, опасность встречая. А тут ещё про свечку вспомнила и обомлела. Прохлопала себя по рубахе, а карманов-то и нет вовсе. Некуда сунуть. А значит, забыла она её у самого начала леса, когда Хозяина задабривала. И где Змий, куда делся? Обратно не ворочался, значит, к большой земле полетел.

Бросилась снова к тому месту, где оставил он её, чтобы свечу вернуть. Меж деревьев петляет, вперёд вглядывается. Не идёт ли кто. Поршни к ногам прилипают, просушить надобно бы после воды солёной. Стянут ремешок на ножке. Дорогой подарок от тяти к свадьбе достался. Заряна завсегда без обулки бежит, а тут целые поршни из кожи коровьей. Сменял у странника заезжего.

Глянула из лесу – никого. А вон как раз и яблонька с золотыми яблоками. Приблизилась, наклонилась, пропажу свою рассматривая, как вдруг голос позади послышался.

- Не это ищешь?

Обомлела, тут же оборачиваясь. Руки к груди прижала, будто ото всего мира закрыться так может. Стоит перед ней парень в рубахе белой, а поверх расписная безрукавка накинута. И какой нити в ней только нет. И красная, и голубая, и золотая. То тут, то там ромбы разномастные, а по вороту птицы клювики раскрыли, будто щебечут что-то. И всякие завитки по ткани разбегаются, что глядеть можно долго, удивляясь искуснице, что такое сотворила.

Глаза у молодца голубые, что небо безоблачное, а волосы - рыжие, как огонь горят, а по лицу чудо-чудное – роспись огненная, будто искусница с одежды его на кожу перекинулась. Да такой узор затейливый исполнила!

Идёт по правой стороне ото лба к щеке рисунок, будто чешуйки рыбы. Уходит на шею, а оттуда по груди волнами расходится, брызгами, что из-под разреза воротного видать. Словно в воду бурую камешек бросили, а он муть поднял и окропил всё вокруг. Чем же такое сделать на человеке мыслимо? И так ей тронуть захотелось, что еле стерпела.

Стоит Сияна, замерла, дальше незнакомца оглядывая.

Висит на шее украшение из трёх камней, что один под другим расположены. И первый краше второго. Будто каплями застыли, на солнце переливаются. Красным и синим. А самый большой, что почти за разрезом припрятался, - зеленью отливают.

Кто таков стоит перед ней? Откуда взялся? Не ведает Сияна. Только горит в его ладонях свеча заговорённая.

Глава 9

Заряна остановилась вслед за Славом, что место какое-то оглядывал. Трогал пальцами кору дерева, а потом отчего-то принюхиваться стал. Знал, что улетел Змий куда-то на север, только пути верного рыкарь не ведал. Следовало поспрошать у других, может, знает кто, где чудище обитает?

- Вертайся домой, - скинул котомку, усаживаясь на землю. Весь день шёл, а мальчишка не отстаёт. Видно, как тяжело тому приходится. А всё никак отступить не желает. Упёртый!

- Слово моё крепко, - вспомнила Заряна слова отца, верно их в разговор вворачивая. Уселась неподалёку, узел свой развязывая, чтоб голод утолить. Ноги зудели, будто в огне полыхали. Словно не сапоги вовсе, а угли раскалённые. Стащила один, размотала тряпицу, что обмотана была, скривилась, разглядывая кожу сошедшую. До крови сапоги ноги истёрли, хоть и ноговицы намотала. Мож, не с руки девке такое. Она ж прежде только глядела, как тятка дело творит. И сама как могла обутки себе сделала. Видать, плохо.

Косится в её сторону Слав, кривится. Не парень, а будто девка. Жеманится, на ноги дует. И лик такой, что и впрямь как у бабы. Овал яичком, ни одного волоска на щеках да бороде, глаза с поволокой, моргушки длинные да чёрные, как смоль, будто углём мазаны. Ланиты румянятся, а уста как вишни спелые, того и гляди притянут.

Потряс головой рыкарь, наваждение убирая. Неужто зверь в нём верховодье берёт? Никогда прежде молодцев так не разглядывал, а всех за братьев считал. Бывало, сойдутся в рукопашной, морды друг другу бьют, по чём ни попадя мутузят. А потом руки жмут да квасом запивают. По плечам хлопают, девок судят. Хмель по усам гуляет, внизу жаром разливается. А никак и приголубит какая, так завсегда тому рады. Дело молодое.

Поднялся с места, принялся руками размахивать, будто спину разминать. А сам старается в сторону не глядеть. Родит же земля таких, что неясно: девка то али молодец. А потом ходи да смущайся, когда разное в голову лезет. Только выбрал уж себе по сердцу Слав невесту. Как вызволит из лап чудища – своей назовёт. Заживут они припеваючи. Деток народают. И пойдут добры молодцы да красны девки по лавкам.

Высвободила Заряна ноги, уложила так, чтоб ветерок ласково обдувал. Легше стало. Достала из котомки луковицу да хлеба, хрустеть принялась. А Слав тем временем к воздуху снова принюхался, и рубаху стаскивать принялся. Перехватило горло Заряны, поглядывает в сторону, будто невзначай, а он уж и порты сымает, срам оголяя. И ей бы отвернуться, да никогда прежде молодца без одежды не видала. Уставилась на него, а Славу даже неловко от взгляда этого сделалось.

Осерчал, обернулся бером, ринулся на дурня. А тот лишь глаза от восторга пучит, да в его глядится. Руку протянул, шерсть медвежью потрогать, а у самого улыбка на губах играет, будто и есть ему, что годков пятнадцать. Да и в те годы уж кто семью имеет.

Зарычал ему в лицо Слав, чтоб силу свою показать, а у того ещё пуще глаза раскрылись. И веет от него будто чем-то знакомым: сладостью и желаньем.

Никогда прежде не видала Заряна бера так близко. А поди ж ты, можно рукой коснуться. Шёрстка у него грубая, зубы острые, а нос вельмо подвижный, так и хочется дотронуться. Заревел на неё, а сердце и без того в пятках, только жуть как интересно чудо такое. Пушай не обижается. Коснулась-таки и уха, и морды, чтоб потом другим рассказывать, каков медведь есть.

Не ожидал Слав наглости такой. Не зверушка домашняя, чтобы с ним ласку сотворять. Толкнул головой так, что безусый на спину завалился, и бросился рыкарь опрометью в лес, кусты ломая на пути. Запомнить норовя желанья свои странные. В родстве дело, больше

не в чем. Братец он любви его, оттого и чует нос аромат знакомый. Больше ни в чём рыкарь причины не видал.

Бегал до одури по лесу, пока не растянулся у реки, где прохладой веяло. А потом всё ж кабанчика учуял. Подкрался и завалил. Приволок тушу обратно, а дурень на него с интересом поглядывает, а на мясо облизывается. Куда ему с его луковой головой.

Обернулся обратно Слав, от слабости пошатывается. Только чует, что с каждым разом зверь с человеком единится. Не надобно больше отсыпаться так долго. А там глядишь – и вовсе оборотничество обычным станет.

- За хвостом сходи да дров принеси, - скомандовал Слав, не глядя на родственника будущего, пока порты натягивал да подпоясывался. Злился и на того, и на себя за слабость странную, что заставляла к парню присматриваться.

Поднялась Заряна, только сапогов надевать не стала. Ступает по травке, осторожно веточки сухие собирает, пока Слав острым ножичком тушу разделывает. Наберёт – подле него сложит и дальше искать. А у самой перед глазами срам его стоит. Не думала, что девка от молодца так отличается.

- Как звать-то тебя хоть? – наконец, спросил Слав.

Задумалась Заряна на мгновенье. Назовись Заром, вдруг поймёт? Мало ли знает, как сестрицу невесты его звать. А потому решила она произнести другое имя.

- Уйка, - выбрала подходящее.

Глава 10

Сияна смотрела, как горит свеча в чужих руках. Как смог зажечь? Бросила взгляд на небо, не видно ли чудища, и крепко задумалась: откуда явился тут молодец. Видала однажды такого рыжего, странником назывался. И узнала тогда, что люду на свете видимо-невидимо, и у каждого лик свой. У кого глаза-щёлки, будто не дорезали до конца, а может и прищипнули чем по бокам; у кого кожа, будто земляца чёрная. Гож был странник сказки вещать, совсем как старики в деревне. Ну кто ж поверит в то, что народ такой существует? Посмеивался народ, улыбался да друг другу пересказывал.

Другое дело Хозяин, Берстук. Хоть и не видали его многие, да знает Сияна: есть он на белом свете.

Огненный руку протянул, а в ней огонёк трепещет. И так близко к пальцам, того гляди обожжётся. Только даже не поморщился, словно вовсе не чувствует пламя волшебное. Что за чужеземец? Откуда? Она же и аукала, думала, девку какую накликасть. А вышло, что молодец явился.

Сделал шаг к Сияне, а та отскочила, с земли камешек острый хватая. Лёг в руку, будто нож. Захоти рыжий ухватить её, всяко сможет. Только пусть знает: она просто так не дастся.

- Кто таков? – внимательно смотрит, брови на переносице сведя. А он в ответ на неё глядит, улыбку тянет.

- Лесьяр, - представился, пальцами мягко фитилёк затушивая. И замолчала свечка. Уснула. Легла в его ладони, аки в колыбель. – Твоя, - не спросил, а ответил. – Зла не причиню, - покачал головой.

- Откуда ж мне знать?! – хмыкнула Сияна, косу назад перебрасывая. – Не было тебя здесь.

- Если чего-то не видишь, не значит, что этого нет, - отозвался на то.

Задумалась девка. А ведь правду говорит. Вот ночью, к примеру, солнышка не видать, но от этого оно существовать не перестаёт. Или взять тятю. Накажет из дому не выходить, а сам в телегу да на поле. Не видишь его, да только помнишь, как вернётся, задаст, ежели послушаться.

- Отчего ж прятался? – решила дальше вопросы задавать.

- Не прятался я, - разулыбался рыжий. – Воооон там мой дом, - указал куда-то на высокую гору.

Бросила Сияна взгляд на скалу неприступную, а потом снова на молодца незнакомого.

- Лыгнул, да не краснеешь, - пуще прежнего камень сжала. – Там чудище живёт, неужто тебя не съело?

- Чудище? – как-то задумчиво переспросил парень. – Страшит оно тебя?

- А то как же! – удивилась Сияна. – Будто тебя не страшит.

Лесьяр пожал плечами, уходя от ответа, и всё ж отдал свечу.

- Владей, - уложил в маленькую девичью ладошку, что свободна от камня была. – Хоть знаешь, откуда такая?

Сияна головой покачала, смотря на незнакомца, что выбрал место в двух шагах от неё и напрямиком на жёлтую землю сел. Зачерпнул горсть и меж пальцев пустил тонкой струйкой. Подхватил ветерок, размётывая крупинки, загляделась на это Сияна.

- Никогда не видала землицы такой, - честно призналась. А у самой глаза горят от интереса.

- Песок это, - хитро прищурился рыжий. – Аккурат у море-океана на бережку рассыпан.

- Кем же? – всё спрашивала Сияна.

Расхохотался Лесьяр от души, только не по нраву то девке, будто на смех её поднял неграмотную.

- Природой, ведомо. Неужто никогда прежде песка не видала?

Качнула головой Сияна, губы алые поджимая.

- Да не серчай. Я вот прежде никогда такой красоты не встречал, - признался, на неё смотря.

Вспыхнули щёки девки, потупила очи долу. Никак об ней речь ведёт?

- Неужто пробовала яблочек золотых?

И улыбка у него такая, что сердце беспокоится в груди. Трепещет, рвётся куда-то, беги усиливая.

Поднялся с места, уходя, а Сияна испуганно ему вслед глядела. Никак одну её тут оставит? А что если Змий вернётся? И только хотела следом броситься, чтоб просить поболее о земле невиданной рассказать, как воротился назад, в руках корзинку держа.

- Голодна, поди, - догадался.

Глядит Сияна, а корзина невиданных плодов полна. И знакомы ей только яблочки. Да не те, что рвала уже. С красным бочком.

- Гостинец тебе, - установил у самых ног огненный, и Сияна коснулась кончиками пальцев разномастных кожурок. Эта на ощупь шершавит, будто рогожки касаешься, а эта аромат такой даёт, что отсюда слышно. И такие разные что по цвету, что по округлостям.

- Не ведомы мне плоды эти, - подняла очи. – Ни репы, ни брюквы, ни капусты. А всё сладость какая-то.

- А ты отведай, - Лесьяр лёг на землю, уперев локоть в песок. Одну ногу вытянул, вторую упёр в сапоге рядом.

- Клянись Велесом, что плохого мне не учинишь! – требовала от знакомого.

- Мож, не верую я в божества ваши.

- Да как же это? – ахнула, будто ослышавшись. – В Перуна не веришь, что всем воинам осторожность даёт да на поля дождь насылает, чтоб народилось всё? Али в Мокошь, что человеческие судьбы сохраняет, да деток народить помогает? Чтoб урожай и достаток в доме был? Всё она!

Молчал огненный, а у Сияны холодок в груди пробежал. Что ж за молодец, что и в богов правильных не верует? С ними считаться не намерен.

- Не нужны мне твои гостинцы, - сказала, а у самой живот волком завыл. Да так протяжно, что стыдоба на щеках нарисовалась.

- Ешь уж, - будто приказал Лесьяр. – А не то про свечу твою говорить не стану.

Задумалась Сияна. И голод одолевает, и про свечку любопытно послушать. Села подле корзины и снова к небу очи возвела.

- Да не прилетит, не бойсь, - успокоил парень.

- А я не боюсь, - соврала девка, да тут же глаза отвела. – Может, маленько токмо. Почём ведаешь, что не прилетит?

Вытащила первое, что под руку попало, о рубаху потерла и аромат вдохнула. Захотелось испробовать, да зубки и вонзила. Уж такого отродясь не вкушала. Сладкое, а по рукам сок течёт. Внутри косточка, да не гладкая, не мелкая, как у яблока, а большая, на кору дерева похожа.

- Просто знаю, - отозвался парень, смотря, как Сияна лакомится фруктами.

Глава 11

Аромат мяса приятно разносился по лесу. Забирался в ноздри, заставляя слюнки течь. Заряна перебралась к рыкарю ближе, раз позволил. Установила сапожки рядом, узел и терпеливо ждала, когда сготовится. Слав бросал на неё мимолётные взгляды, разделявая тушу кабана дальше. Столько сразу не съесть. Придётся с собой брать. Хорошо соли припас для дела такого. Умастит белой пылью, чтоб хранилось лучше, и с собой часть возьмёт. Что-то потащит безусый, раз уж увязался следом. По нему видно, что охоте не учен. Такой враз ноги от голода протянет.

- Как же ты сестрицу вызволять собрался? – подал голос Слав, не глядя на юнца. – Ручки как плети, меча, поди, в руках прежде не держал! Палками что ли в него бросаться будешь? – усмехнулся в усы, головой качая. И впрямь. Ветер в голове в парня гуляет. Даже имя какое-то дитячье – Уйка. Не чуется в нём мощи вовсе. Такому орало да поле пахать. Ячмень с овсом сеять, а не по лесам бродить. Вон даже мозоли в первый же день набил.

- Так я ж не сам! – усмехнулась Заряна. – Я в подмогу.

- Подмогу, значит, - хмыкнул Слав. – Подмога от слова помогать. А от тебя разве чего добьёшься?

Нахмурил брови безусый. Будто обиду затаил.

- Вон даже мяса себе добыть не сможешь, - насмеялся рыкарь.

Поднялась Заряна с места, слюну сглотнула. Да гордость в ней говорить стала. Неужто без этого увальня сама себя прокормить не сумеет? Пусть у него сила в плечах сидит да в теле зверином, а у ней голова на плечах имеется. Лес завсегда еды даст.

- И куда ж ты? – обронил ей вслед Бер.

- На свою половинку, - бросила через плечо Заряна. – Оттуда не воняет.

- Чем?!

- Вонью медвежьей.

Принюхался к вещам своим да к себе Слав, вроде не пахнет. Не смердит, как бывает от зверя. А ну как сам чуют свой запах перестал? Дым ощущается, ёлочками пахнет, где-то олень бродит. Да всё. Своего определить не может.

- А ну, - поднялся с места, быстро расстояние сокращая. И упало сердце в пятки Заряны, когда она его с ножом подле себя увидела. – Разве ж смердит? – требовал Слав ответа.

- А то как же! – издевалась Заряна. – На целую версту, - гордо подняла подбородок, чтоб не выдать страха.

Нарочно нос зажала, будто рядом стоять не в силах.

- Отчего ж раньше молчал?

- Да как тут сказать, когда ты добро ко мне проявил?! – сочиняла дале. – Потому терпеть пришлось.

- Пряма-таки терпеть.

Вглядывался Бер в лицо пригожее, да всё понять пытался, отчего природа молодца такой красой наделила. Видывал он девок страшных, так тем бы хоть крупцу красы, что мужу сему дана. А молодцу к чему моргушки такие длинные али губы бантом? Только других смущать.

- А-то как же, - не уставала врать Заряна. – Еле утерпел. Только из-за мяса и сдюжил.

Сжал зубы Слав, и сам не ведает, отчего слова эти его так цепляют. Ну сказаны, и Велес с ними. Так нет же, в душу запали, будто есть до них дело. Развернулся, обратно к костру пошёл. А Заряна, вздохнув, опять узел свой развязала, поглядеть, что ещё он такого в себе прячет. Да куда там супротив духа мясного. Всё нутро от голода ноет, насытить его просится.

Обула сапожки всё ж, поднялась с места и пошла ручей искать, чтоб водицы испить. Ничего не спросил Бер, только глазами спину прожигал, когда она меж деревьев шла.

- Медведь, - пинала веточки, на него и себя злясь. Будто не мог смолчать, будто не могла и она проглотить вместе с мясом обиду. Что делать теперь? – Оборотень неотёсанный, - кляла Бера, заслышав, как река голосом поигрывает.

Хорошо, что идти надобно было недалеча. Да и помнит Заряна, что мимо проходили, заметила водицу. Подошла ближе, на колени встала, рукой черпнула воды и к губам поднесла. Ледяная такая, что зубы сводит. Но вкусна. Глядь, а там рыбка плывёт стайкой. Обрадовалась. Вот как сейчас покажет рыкарю, что сама себя прокормить умеет. Поднялась, палку присматривая, чтоб как острогу пользоваться. Углядела ветку сухую, хрустнула ею. Вышла не сильно острая, да какая есть. Всё одно – нет ножичка.

Подошла ближе к бережку, сапоги сняла, в воду ступила, чтобы рыбку поймать испробовать. Дома тятка вятели плёл из ивовых веток. Выставит в речке, туда рыбка заплывёт или раки вползут. Ох и вкусны, ежели в печи стопить.

Думала Заряна об вкусностях, слюнки глотала. А рыба не глупа, уплыла подале. Тут видит, как у самых ног что ни есть большущая, величиной с руку. Чешуёй поблёскивает, будто нарочно дразнит. Кольнула острогой, да та юркнула, за собой палку уводя, и упала Заряна в речку быструю, издав испуганный крик. Как чует, будто рука чья-то за пясть её ухватила и тащит за собой.

Глава 12

- В давние времена, когда и земли вовсе не было, когда солнце не вставало согревать мир, а из сущего царила тьма, явился на свет Род. И создал Род море-океан, а посерёд него остров.

- Так ты ж в Богов наших не веруешь? – перебила рыжего Сияна, утирая капли сока с губ. Вкусны плоды, ничего не сказать. Вот бы такими матушку с тятей накормить да сестрицу любимую.

- Но кто-то всё создал, - пожал плечами Лесьяр, пряча улыбку. – И тебя, и меня.

- Так знамо кто, - усмехнулась Сияна, - мать с отцом, - да тут же зарумянилась, вспоминая: чай не в капусте нашли. Уж то сказки для детей, она ведь знает, что для дела оба надобны. Муж да жена.

- А их кто? – допытывался рыжий.

- Отец с матерью, - опять отозвалась Сияна.

- Ну а их кто?

- Вот заладил, кто да кто! Прародитель наш, что явился из золотого яйца да создал миры. Правь, - ткнула она в нёбушко пальчиком. – Явь, - развела руки в стороны, оглядываясь на то, что вокруг находилось, - да Навь, - подняла палец, будто грозясь.

- Тебе про свечку интересно аль нет? – воротил её к разговору Лесьяр.

- А то как же! – девка вытащила из корзины розоватый плод и протянула новому знакомцу, но тот лишь головой покачал. – А пошто не ешь? – сузила глаза, задумчиво на него глядя.

- Не любо.

- Ну этот тогда, - выхватила с золотистой кожуркой.

- И такой не ем.

- А что ж ты ешь тогда? – удивлённо уставилась на него.

- Девоч красных, - глядел прямо в глаза, и улыбка на губах не играла, что сделалось Сияне жутко. Раздула ноздри, округлила глаза, раздумывая, что сделать али сказать надо теперича. А он возьми да расхохочишь. Шутка, мол.

- А как же ты на остров попал? – не уставала любопытствовать.

- Ты про свечу слушать будешь? – опять перебил, и она быстро несколько раз кивнула. – Так вот, - продолжил, брови сдвигая.

- Сотворил Род остров, а в нём пещеру, да камнями её мыслимыми да немыслимыми наполнил, золота столько, что глаз слепит...

- Так откуда ж богатство такое? – ахнула Сияна, бросая взгляд на скалу.

- И поставил охранять пещеру Змию, что о трёх головах, - не обращал на вопросы внимания парень.

Сияна глаза на него перевела, внимательней слушать стала. А ну как сейчас всю правду о чуде узнает.

- А средь всего прочего две свечки, да не простые. Огнём Горыныча зажжённые. А потому силой наделённые никогда не скончаться.

Сияна выдохнула громко, свечку свою разглядывая. Никак про эту речь молодец ведёт? Как есть её. Волшебная, нескончаемая. Неужто, самим Змием зажжённая?

- Да как же такое быть может? – негромко пролепетала. – Остров тут, а мы с тятей там, - кивнула куда-то в сторонку. – Может, не о той свечке сказ?

- Неужто думаешь, что на свете чудес так много? – усмехнулся рыжий. – Об той, об той, - закивал. Только она не токмо вокруг всё освещает, она путь указывает.

- Что за путь?

- Только одному Змию ведомый. Явилась к нему однажды дева: ликом светла, косы до землицы, а сами золотом отливают, на голове очелье искусно шитое, а сама в платье белоснежном. Всякому в мире любовь нужна, вот и придумалось ей Горыну сподмочь.

- Неужто Лада? – ахнула снова Сияна, руки к груди прикладывая. – Она же по делам этим. Только зверь любит не умеет, – вдруг крепко задумалась. – Как же чудищу любить кого-то? Да и не слыхивала я про Змею Горынную.

Расхохотался парень, видать, насмешила его девка донельзя, а потом посерьёзnel.

- Любить, говоришь, не умеет? – пристально поглядел в её очи. – Отчего ж думаешь так?

- Так зверь! Как есть зверь. Ежели ты тут живёшь, и сам видывал, какие у него когти длиннющие, да смрад из пасти вырывается. От такого без оглядки бежать хочется, а не то, что полюбить. Неужто кто в своём уме станет ему ласку дарить? Да и как, когда он чудище огнедышащее.

- А ты? – внезапно вопрос задал.

- Чего я? – не поняла Сияна.

- Сможешь полюбить?

От такого девка и дар речи потеряла. Только ж ему сказала.

- Есть у меня уж жених, – ответила на то, вспоминая Слава, и румянец по щекам разлился. – Ему согласие дала. Токмо не суждено было счастьем сбыться. Налетел Змий проклятый, сюда притащил. Думала, лакомиться мной будет, только бросил и улетел куда-то, – снова глянула на небо. – Но верю я. Придёт за мной сокол ясный. Люб мой ненаглядный.

- А как же найдёт? – будто издевался рыжий.

Задумалась Сияна крепко.

- Любовь его путеводной ниточкой проведёт аккурат до острова.

- Может, уже привела?

Сдвинула брови.

- Кого?

Отчего-то парень долго на свечку глядел, что в подоле её лежала. А потом с места поднялся.

- Идём, – руку протянул, и она удивлённо на него поглядела.

- Куда ж это?

- Спать где-то придётся, место покажу.

- Не пойду, – дёрнула руку назад, до конца тому не веря.

- Ну, как знаешь, – отчего-то сразу согласился, – мне идти надобно.

И быстрыми шагами, оставляя за собой следки на землице, что песком зовётся, отправился в сторону горы, что неприступной казалась. И думалось Сияне: может, стоило довериться парню рыжему? Да токмо юркнул куда-то меж деревьев, и больше не показывался.

Глава 13

Бороться до последнего!

Пузыри шли по воде, пока Заряна пыталась выбраться из цепких пальцев Водяника, который пытался добыть себе новую невесту. Уж его-то не провести, он знает толк в девках, хоть обрубил волосы, хоть нет.

Вода напитала рубаху и порты, забралась в сапоги, отчего весу знатно добавилось, и только мешала выбраться, чтоб глотнуть спасительного воздуха.

Слав услышал вскрик и сразу бросился на выручку. Дал же Перун помощника. Такого по пять раз на дню вызволять придётся. Принюхался, понять, куда юнец делся, да аккурат запах его к речке и привёл, а там увидел он брызги да баратханье.

Из последних сил Заряна противилась, только не сдюжить супротив духа водного. Видать, на роду ей смерть на чужбине написана.

Подскочил рыкарь к берегу, да не раздумывая прыгнул в воду, ухватывая безусого за рубаху. Токмо спину и увидел, за неё хватить и дёргать, будто рыбку из водицы. А Водяник, знай себе, держит, не пускает. Поймал уж добычу, его будет. Заряна ослабела, противиться перестала, а силищи у рыкаря хоть отбавляй. Он её всё ж на бережок и втащил.

Закашлялась, водицу изрыгая, а у самой будто вся жизнь пред глазами мелькнула. Откинулась на травку, глаза тяжко открыть. Как чует по лицу её ладонь шлёп. Распахнула всё ж очи испуганно. А над ней рыкарь склонился, токмо не видать его хорошенько, солнце аккурат за спиной его слепит, лицо чернит. То ли хмурится, то ли смотрит испуганно. Только пошто там глядеть, когда она ему обузой. Проще оставить было тут, во владенье Водяника.

- И чего туды полез, дурень? – спросил у Заряны, глаз с неё не сводя. Облипла рубаха так, будто чудится ему не грудь мужская, а будто холмы под ней, только тряпицей перевязаны. Руку протянул, тронуть, что за чудеса такие, как аккурат по его ладони чужая шлёпнулась, а безусый чуть отполз, хоть и сил почти не было.

- Чего удумал? – спросил низким голосом, будто нарочно хотел старше казаться. Только голосок у него тоненький, будто комар пищит. Как же с таким в жизни будет? Бабы на смех поднимут. Оно ясно, кто виноват, кому какое богатство достанется хоть в лице, хоть в портах. Ежели б можно было выбирать, каждый себе поболее да покрасивше оттяпал. Славу с тем уж повезло, всё как надо народилось, будто боги благоволили.

Отстранился безусый да рубаху поправлять стал, а сам в сторону спасителя косится. Нет бы спасибо произнести, да страшно Заряне стало, неловко раскрытой быть. И не привыкла, чтоб касались её чужие мужские руки. Берегла себя для одного-единственного, с кем по жизни пойдёт. А Слав теперича сестре предназначен. Хоть и пригож, хоть и сердцу приятен, да любила она Сияну, пушай им совет да любовь будет.

- Тьфу, - сплюнул на землю Слав, поднимаясь с колен. – Куды идти ведаешь. А ежели по пути тебя лесьевик утащит, так тому и быть.

Развернулся, уйти намереваясь, а потом вновь обернулся. Головой качнул да тут же рядом оказался. Ухватил мальчика за пояс да на спину перекинул. Так сподручней будет. А ну как снова куда угодит? Как в глаза Сияне смотреть да родным её будет? Не уберёт, скажут. На его совести.

- Пусти, - стукнула кулаком его по спине Заряна, а рыкарь усмехнулся токмо. Ишь лёгонький удар, совсем как у девки какой. Кто ж таких мужей нынче растит? Муж – опора в семье, защита. А этого самого защищать надобно. Ухватил Слав чуть выше колен да быстренько до места и добрался.

- Сымай, - кивнул на одежду.

- Чего это? – Заряна обхватила себя руками, слегка подрагивая, но подчиняться не собиралась.

- Сымай, говорю. У костра клади, обсохнет пока пущай. А так болезнь подхватить можешь.

- Не буду! – испуганно смотрела на него.

- Так чего страшится? Неужто меня боишься?

- С чего мне тебя бояться? – хорохорилась, придумывая, чтоб сказать такое. Недалече от дома отошли. Прознает, воротит, да ещё и на всю деревню опозорит. Никак нельзя ей обратно.

- Да кто ж знает. А вон как птичка нахохлился.

- Ничего не птичка. Рана просто у меня тут, - уложила на грудь Заряна руку. Ну а что ещё говорить? Сушить одежду и впрямь надобно, а тряпицу увидит.

- Откуда ж?

- На орало упал, - врала дальше. – Так и порезало. Еле жив остался!

- Ну так шрамы мужчин украшают, чего стеснение держать. Одинаковые мы. Клади одежду, да так сиди.

- Не буду! – заупрямился безусый.

- Так и станешь сидеть в воглом?

- Рубаху свою дай, - тут же нашлась Заряна, чуя: неровен час её вранье раскроется.

Крякнул Слав, с огня мясо снимая. А потом и рубаху свою стащил да в лицо безусому бросил. Станный какой. Пусть подавится. А тот взял и за дерево ускакал.

Послал же Перун дурня. А потом выбрался обратно: порты развесил, рубаху положил подле огня. А Слава одежда ему по колено будет, да видно, что с чужого плеча.

Уставился рыкарь на ноги белоснежные, а Заряна сильней рубаху натянуть пытается.

- Вот что, - откашлялся Слав, на мясо уставившись. – Бери давай да ешь. А потом спать укладываться будем.

Протянул кусок ароматный, и вновь нутро Заряны заныло. Да больше не с руки обиду таить. Приняла угощение и тут же вонзила зубы, отрывая кабанчиковую плоть.

- Вкусно, - похвалила, а Слав в её сторону не глядел. Всё думал, что ж такое с ним происходит, что охота парня всё разглядывать. Нехорошо это, ох нехорошо. А тот сидит, ноги под себя подкорчив, да ест, мурлыча.

- Вернусь скоро, - обронил да сбёг, будто рядом с ним находиться больше не в состоянии был.

Глава 14

Корзину Сияна решила с собой забрать. Кто знает, найдутся ли в лесу ещё плоды. Да и бросать добро не следует, ежели может сгодиться. А то и есть у неё что рубаха одна да свеча самим Змием опалённая. Токмо так и не поняла, что за путь Горыныч ведаёт, куда его огонь ведёт да зачем.

Рыжий так и не явился, хоть она до вечера ждала. Оставаться на месте, где её чудище может найти, не хотелось. А потому опять в лес пошла. Приглядывала себе место достойное, да повсюду только ели да сосны. И почудилось, что в родном леске она. Поди сейчас тропкой нужной добредёт до дома. А там мать с Зарянкой глаза выплакали.

- А вот она я, - скажет да рассмеётся, будто шутка вовсе была. Только лес не кончался, знакомого и было, что дерева. А остальное всё новьё. Далеко ходить не следовало. А ну как появится кто на горизонте, а она и знать не знает. Потому решила устроиться на полянке.

Место выбрала у старой сосны. Еловые ветки выстлали землю, чтобы ночью не было холодно, а нижние лапы дерева закрывали от непогоды и ветра. На сегодня – лучшее место, завтра будет думать, что к чему.

Как зажглись первые звёздочки, грусть на неё напала. Глядит на небо. Кажется, эти из дома родного видны. Ну как есть черпак для водицы. Токмо будто подвинулся под самую маковку. А ещё вчера справа горел. Значит, родная земля где-то там. Смотрела Сияна в сторону, только ничего тут не разглядеть.

Мелькнуло меж деревьев что-то, будто огонёк. Напряглась она всем телом. Никак опасность ей грозит? Только россыпь какая-то, как от костра маленькие искорки. Улыбнулась, понимая. Светляки к ней летят, пузиками светят. Поднялась, ближе подойти хотела, а они вбок. И такие яркие да разные. Один синим будто отливает, второй желтит, а этот рёдрый, как корова соседская.

Разбрызгались пятнами, а она за ними, потому что светло рядом, лес разглядеть можно. Как видит домик небольшой. Удивилась, оглядываясь. Вдруг хозяин поблизости ходит. Застыла на месте, а светляки вокруг разноцветный танец танцуют. Всё ж решила подобраться к избе. Тихонечко постучала, взобравшись на крылечко. Никого. Постучала сильнее. Тож самое. И тогда дверцу толкнула.

Внутри изба ещё испускала древесный дух, видно, что поставлена не так давно. Печь в углу, как полагается, лавки, стол. А за столом девка сидит и на Сияну грустно поглядывает. Вздрогнула Сияна, когда встретилась со взглядом этим, шаг назад сделала. Будто неживая вовсе девка пред ней. Да токмо поднялась из-за стола, руки в её сторону протянула.

- Сестрица, - произнесла, будто родную душу на пороге избы своей увидала. Оказалась рядом и обняла оторопелую Сияну.

Кто такая пред ней?

Волосы по плечам тёмным каскадом льются. Длинные, чуть ли не до самого пола. Глаза пронзительные, чёрные. Отстранилась, а сама внимательно белокурую гостью разглядывает, словно понять пытается, кому теперь Змий благоволить боле будет.

- Голодная? – спохватилась, утаскивая Сияну к столу. Усадила, тут же из печи кашу доставая да капусту квашеную. – Гостьей будешь, угощайся, - двинула тарелку ближе, а Сияна всё от неё глаз оторвать не в силах. Неужто, ещё одна загубленная душа здесь проживает?

- Как зовут тебя? – спросила у черноволосой.

- Вила, - тут же отозвалась. – А тебя?

- Сияна.

- Тебя тоже украл Горыныч? – искала поддержки у Сияны незнакомка, и та согласно кивнула, а Вила зарылась лицом в ладони, принимаясь рыдать.

- Ну что ты, что ты, - Сияна вскочила с места, подходя к новой подруге ближе. Невольно коснулась небольшого мешочка, сделанного из листьев и притороченного к поясу, где уложила свечку. Надобно что-то лучше придумать, дабы не стерять. Села рядом с черноволосой, осторожно обнимая.

- Давно ты здесь?

- Да уж пару лет, - шмыгнула та носом. – Как Змий крылья мои отнял.

Округлила глаза Сияна, не понимая, о чём девка толкует? Никак, умом повредилась, что о крыльях каких-то речь ведёт?

- Вила я, - вновь заговорила та. – Жила раньше в горах – горя не ведала, летала с подругами, веселилась да над колодцами власть имела. Кто по нраву – тому водицу покажу, а ежели кто зверей лесных обижает да лес рубит – запираю ключи. Не видать им воды вовек.

- Не слыхала никогда я о тебе, - призналась Сияна. – Как же девка летать горазда?

- Духом я была, покуда Горыныч крылья не забрал да у себя в пещере не схоронил. Потому обернулась человеком.

Невидаль такую Сияна отродясь не слыхала. А ну как сочиняет девка?

- Мои светляки тебе дорогу указали, осталось немного от жизни той волшебной.

- Так зачем же он тебя сюда принёс да оставил?

- Любовь, - глянула прямо в глаза Сияне.

- Любовь? – выпятила та губу удивлённо. – Да как же такое возможно?

- Горит в его сердце нежность ко мне. Потому и не пускает. А я что могу? Через океан не перебраться, вот и живу-горюю.

- А ну как крылья забрать?

- Можно, - тут же будто повеселела Вила. – Ежели одна отвлекать будет, а другая искать примется, так выйдет удача!

Глаза горели. Слёзы высохли, будто и не бывало их на красивом лице никогда. А сама девка с места поднялась.

- Идём, - ухватила Сияну за руку, утаскивая за собой.

- Куда? – не могла понять та.

- Если ты крылья мои достанешь, смогу я обеих унести отсюда. Покинем ненавистное место, будем снова жизни радоваться!

Она говорила так восторженно, что у Сияны надежда внутри теплится стала. А ну как и впрямь выйдет? Что, если через пару дней она дома, на родной земле стоять будет?

Из двух зол надобно выбирать меньшее, и Сияна тут же кивнула.

- Что делать мне?

- Провожу я тебя до реки огненной, что лес да скалы пополам делит. А как переберёшься, иди прямо к пещере, где...

- Я к пещере? – ахнула Сияна.

- Тогда чудище отвлекай. Токмо смотри! Зазеваешься – вмиг спалит. Пламя горячо да огненно.

Задумалась Сияна, а Вила гляди дальше добавляет.

- Может, выбраться вовсе не хочешь? А станешь любовь Змия принимать?

- Лучше утоплюсь!

- То-то же! – сложила руки на груди Вила. – Вот та тропинка к месту и выведет, ступай первая.

Глава 15

Уж костёр дотлел, а Слава всё не было. Заряна тянула рубаху на голые ноги, чуя, как подбирается холод. Вещи тяти не успели досохнуть самую малость. Спать на земле в них было не с руки, а потому улеглась девка прямо подле угольков, прислушиваясь к темноте.

Жуть её брала, всё нутро поедом ела из-за шорохов да звуков лесных. Ни разу не оставалась она вне избы своей ночью, когда нечисть отовсюду к ней руки свои тянет. Лежит на земле, дрожит, рыкаря всеми словцами нехорошими в мозгу ругая. Пришёл бы, окаянный, а не то она враз Чернобогу душу отдаст.

Как слышит, ступает кто-то, ветки ломаются. Пуще глаза зажмурила, чтоб страху своего не показать. Подошёл ближе Слав, а она спящей притворяется, в калач свернулась. Тот опять ушёл, а уж вернулся с лапами еловыми. Настил сделал, подхватил Заряну так, что дух замер, и опустил на ветки. А потом рядом прям на землю лёг, руки за голову закинул и храпеть принялся.

Замерла Заряна, слушает, как прямо за спиной рык звериный раздаётся. Спасибо за настил, теплей стало, только под звуки такие уснуть вовсе не сможет. Тятя такой же. Как начнёт рулады выводить, так дом сотрясается. Мать его в бочок так локотком тюк, он перевертается. А потом опять ежели начнёт, она снова его теребит.

Слав спал крепко. А вот девка, видать, Зарю дожидаться будет. Зато нечисть явно стороной держаться станет места этого, уж как храпит знатно. Повернулась в его сторону. Высок месяц, над головой взошёл, глядит оком жёлтым. Лежит рыкарь без рубахи, а на рёбрах шрамы серебрятся. Волосья по земле разметались, и грудь вздымается, воздух тяжело втягивая.

А на груди на верёвке простой камень голубит, сияет, будто свет изнутри его разливается. Что за чудо? Хотела его тронуть Заряна, да передумала. Вдруг сила рыкаря в нём заключена. Да вчера, кажись, не было ничего, когда рубаху сымал. А тот знай себе храпит.

Толкнула легонько Слава и притихла. Ждёт. Не спомогло. Деревя трепещут от того храпа. Толкнула посильней, замер на мгновение, и опять распевать. А вот на третий так качнула, что глаза распахнул и оглядываться принялся. Никого.

Зевнул Слав, повернулся и ручищей девку придавил, сам не заметил как.

Лежит Заряна, размышляет. То ли сбросить ладонь его, то ли так оставить. А от рыкаря жар такой, что тепло телу пошло, благодно стало. Дай, думает, хоть немного погреюсь, а потом скину. И не заметила, как приснула. Очнулась утром от того, что холод под рубаху забрался. Подскочила, вспоминая, где она да кто с ней.

Место рядом пустое. Одежу свою взяла да быстро перекинула, а рубаху на куст повесила. Мясо вчерашнее остыло, да было недурно. Дома всё чаще крупу да овощи. А тут целый кабанчик в услуду.

- Идти надобно, - невесть откуда голос возник, что Заряна на месте подпрыгнула. – Нечего разлёживаться.

Слав подошёл к рубахе своей, накинул быстро и волосья выпростал. Невесть откуда верёвку взял и на маковке пучку перевязал, чтоб не мешало. Мясо уложил так, чтобы двоим унесть можно, остальное зверям оставил.

- А куда ж идти, ведаешь? – пыталась Заряна поспеть за рыкарем, что впереди неё мощной скалой бежал. И как только ходить так научен, особливо, когда полкабанчика за плечами в котомке схоронены.

- К Ягде, она путь укажет.

- Ягда? – Заряна испуганно округлила глазья и встала, как вкопанная. – Той, что детей малых в печке запекает, а потом косточки их в кувшин глиняный кладёт?

- Боишься что ли? – прищурил один глаз Слав, на парнишку глядя. Вот же досталась мужу бабья душа.

- Просто спрашиваю, - хмыкнула Заряна, торбу на плече поправляя. – И где ж Ягда живёт?

- А кто её знает.

- Как это?!

- В лесу, надобно полагать.

- Лес большой, только сколько не ходила в нём, ни разу не встретила.

- Не там ходила, видать.

- А где ж ещё лес сыскать на земле?

Повернулся к ней Слав, головой покачал.

- Молодой да глупый, - сказал Заряне. – Много на земле того, что другим неведомо. И рек, и озёр, и лесов. Что ж думаешь, только ваша деревня что и есть?

- И о других слыхивал. Вон твоя то ж.

- А сколько ж всего будет?

- Сколько перстов на руках, - раскинула всеёрами Заряна пальцы в стороны.

Расхохотался рыкарь. Вот же послал ему Перун дурня. Неужто думает, что мир такой крохотный? Вдруг слышит, бряк какой-то. Обернулся. Лежит на земле Уйка, руки раскинув, а мешок заплечный на голову съехал. Сапог рядом валяется.

- Чего? – недовольно буркнул Слав.

- За корень зацепился, - закричала Заряна, поднимаясь.

Сапожки и впрямь велики, да и Слав приметил, будто с чужой ноги. Оно ясно, беден народ, не каждому выменять да купить выйдет. Бывало, на семью одни и будут. Видать, у старшего стащил.

- Мож, вертаешься? – опять спросил, но Заряна лишь головой покачала, хватая рукой воздух пустой, когда раньше коса прилететь должна была.

Глянул на неё рыкарь недоумённо да ничего не сказал, а Заряна сапог подняла, на ногу натянула и за ним поспешила.

- Так где Ягду сыскать? – вновь вопросом в спину догнала.

- Сама найдёт.

- И зачем мы ей? – сердце забилося птичкой махонькой. Ежели Баба искать их примется, быть беде. Да и к чему ей смертные?

- Слыхал, что любит старая юношей молодых да аппетитных, - сказал Слав, а сам в кулак посмеивается, да не видно. Идёт себе вперёд да идёт.

- Юношей? – повторила как-то тихо Заряна, а потом улыбку растянула. Не парень она вовсе, девка. Ничего грозить не будет. Да и сочиняет всё Слав, не слыхала она сказок таких.

А рыкарь камень на верёвке тронул, что холодом могильным отозвался.

Глава 16

Шли они долго, уж солнце вовсе спряталось за гору.

- Ох, сердце не на месте, - прислонила Сияна руки к груди. – Вила, - обернулась, а девка её в спину дальше подталкивает.

- Неужто, передумала? – голосок тоненький, жалобный. – Ох, горе мне, - запричитала, на траву усаживаясь. – Столько маяться, а всё бестолку. А потому, что бессердечная ты.

- Я? – ахнула Сияна. Никогда прежде ей такие слова не прилетали. Добрая, нежная, помогающая. Вот какая она была. А тут, мол, сердца у тебя нет. Есть! Да ещё какое!

- Может, утра дожждаться?

Сказала, и тут же услышала что-то.

- Летит! – прошептала Вила, глаза к тёмному небу поднимая. Подскочила и вслед за собой Сияну в траву уронила для схрона. Обхватила её руками и держит, на ухо нащёптывая.

- Он же во тьме видит так же, как при свете дневном. Никуда от него не спрятаться, не деться. Ежели только замереть. Он различить не сможет, коли запах не почует.

Вила достала откуда-то маленькую склянку, открывая её, и побрызгала на Сияну, испуганно смотрящую в небо, где размытой точкой летел Змий неизвестно куда.

Шелест крылов доносился до ушей, три головы смотрели в разные стороны, оттого тяжелей было укрыться. Выпустив струю огня из пастей по бокам, он развернулся, улета в сторону берега, а Сияна только сейчас ощутила неприятный запах, разливающийся вокруг.

- Это что? – обернулась к новой подружке, закрывающей склянку.

- От Змия поможет. Ежели увидит тебя – замри. А носом воздух поведёт, вмиг сбежит. Отворот-травы тут.

- Чую, что отворот, - прислонила ладошку к носу Сияна, боясь, как бы ужин наружу не выпросился. Только чудная вещица в руках Вилы. Никогда прежде не видала такой. – А это как звать? – дотронулась до гладкого зелёного бока.

- Склянка? – немного удивилась девка. – Так из стекла это. Вот, держи, подарок. – Она вложила в тёплую ладошку Сияны небольшой пузырёк, накрывая его пальцами девушки. – Может, сгодится ещё, осталось там немного. А теперь идти надобно, пока он не воротился.

Вила быстро поднялась на ноги, утаскивая за собой Сияну, и теперь шла спереди, будто боялась, что та передумает вконец. А Сияна стекло трогала, что прежде никогда не видала. Сколько ж всего на свете удивительного!

Высокая трава тратила силы, путалась в ногах, цеплялась за подол рубахи. Ежели бы захотела Вила ей плохое учинить, не вела б так долго, думалось Сияне, да не дарила б подарок. Значится, правду говорит.

Устала она немисливо, когда уж теплоту почуяла. Будто в баню они входили, таким паром обдавало. Только вонь стояла ужасная, будто всё вокруг отваром отворот-травы окропили.

- Пришли, - возвестила Вила, останавливаясь. – Туда я уж не пойду, - указала на другой берег.

А впереди река бурлит, огнём горит, волнами об камни ударяется, да разлетаются вокруг капли, будто искры. Тепло от неё разливается такое, что жарко становится.

- Огненная, - выдохнула Сияна, у самого края останавливаясь.

Присела Сияна, ладошку над водицей возвела. Тепло. Потрогала рукой воду, а та горяча, будто и впрямь в баньке нагретая. Войти в такую – опалиться можно.

- Кипит, бурлит, да худа не причинит, - учила Вила. – Ежели пойдёшь по тому мосточку, - указала чуть левее, - вмиг на другую сторону переберёшься.

- А как же дальше дорогу найду?

- Вон уж скала чернеет самого Горыныча. Ночь он летать будет, крылья разминать, чтобы для люда неприметным быть. В темноте ж куды хуже видать чудище. А под утро заявится, храпеть станет. Тогда мы с тобой и сбежим.

- Ежели крылья найду? – уточнила Сияна.

- Ежели, - согласно кивнула Вила. – Ты уж постарайся там.

- Может...

- Да иди уж, - подтолкнула Вила к мостку, что в ночи чернел. – Меньше слов – больше дела. Времечко сквозь пальцы утекает, торопиться надобно.

Ступила Сияна несколько шагов, только девка опять зовёт.

- Тебе водица ничего не сделает, а свечку растопить может.

- Как же водица свечку стопит? Ежели она от огня не плавится?

- Так непростая речка. Пучай-река! Вмиг сплавит.

- Пучай-река, - прошептала Сияна, а у самой от страха в груди сердце затрепетало. Хоть и не слыхивала она про такую, а всё жутко стало. Только ежели б знала, что имя ей другое дано – Смородина, никогда б на мосток не ступила. А имён у водицы много: и Смородинка, и Огненная, и Пучай-река, и Берёзина, и Несей-река. Говорят, миры она делит, что по разные стороны жизни идут. Навь и Явь. И по другую сторону мёртвые, что ушли когда-то с земли живых. И кто в ту реку войдёт, тому возврата нет.

Вытащила Сияну свечу, жаль стало дара драгоценного, что семье принадлежит, и в руку подруге вложила.

- Береги её.

- Как воротишься – враз отдам, - согласно кивнула Вила, быстро свечку в кармашке пряча. – А теперича ступай.

Пронеслась тень крылатая снова над ними, и замерли девки. А как улетел Змий, сделала первый шажок Сияна. Закряхтел мосток, затрещал.

- Чует сердечко... - начала было.

- Ходила три дня тому назад тут, - успокаивала Вила. – Ладой клянусь!

Ухватила за перила Сияна, ещё пару шажков сделала. Стоит мосток, держится. А как добралась до серединки, совсем повеселела. Не обманула её подружка, выстоял. Ступила дальше, а досочек-то и нет. Провалилась.

Зацепилась за мосток, где хватить успела, и на подмогу девку зовёт.

- Вилааааа, - звучит её голосок, разносясь по округе. – Ви...

Да помутилось в голове, окутал туман, что вокруг разливался. Разжала руки и ухнула прямо в бурлящее варево.

Глава 17

Рыкарь шёл быстро, да и чего зря медлить, когда вызволять любовь надо. Не станет Змий девку есть, коли унёс. Так бы враз на месте проглотил, а потому была надежда, что вернёт её Слав домой. А там и свадьбе быть.

А про Ягду ему вчера дева подсказала, что в лесу встретил, когда покой себе искал. Сбежал от дурня, меж деревьев слонялся, вдруг пред ним дева красная, а на ней шуба почти до пят. А поверх, на голове да плечах, шкура медвежья разлеглась. Оскалилась пастью, будто пугать Слава пытается. Да куда в таком лето ходить? Диву дался Слав.

Только глаза долу не прячет. Стоит, горделиво подбородок задрал, а волосья в косы заплетены. Да не в одну или две. Висят косицы по всей голове, что за странности такие, а на лбу очелье обережное.

- Чую медведя, - носом повела, насмешливо на рыкаря глядя. – Никак оборотный?

- С чего ж взяла, что стану говорить с тобой на темы такие?

- Отчего ж нет? – сделала пару шагов, будто обойти его пытаюсь, а сама оглядывала плечи да лицо.

- Одной в лесу тяжело, зверьё всякое бродит, - решился Слав заботу проявить. – Живёшь далеко?

- А вот прямо здесь и живу, - развела она руки в стороны.

- Из древлян что ли?

- Может и так, - будто насмехалась над ним дева.

- Так где ж остальные? – принялся оглядываться Слав, боясь, как бы народ врасплох его не застал. Слышал, что живут они по-звериному, роют в земле ямы, да там и хоронятся, семьи создают. А как что, так и убивают друг друга почём зря. Едят, как выйдет, а невест крадут супротив воли.

Вот, что люди говорили, кто с ними встречался. Только не знал он, что про девок, обычай такой. Понарошку, с согласия их.

- А кто ж тебе нужен? – всё играла с ним красавица. – Меня разве не хватит?

- Не ищу я удовольствий, - тут же отказался Слав, и расхохоталась дева.

- Неужто решил, что приголубить хочу?

Спала улыбка с лица, сделала к нему пару шагов.

- А, может и так. Разве откажешься? Аль не любя тебе?

Она скинула медвежью шкуру, а за ней шубу, и только теперь понял Слав, что девка в портах мужицких, из кожи сделанных. А на груди перевязи с ножичками.

- Однако, - покачал головой, прелести её осматривая, что через одежду контурами хорошо проступали.

- А давай бороться, - внезапно предложила, и Слав удивлённо брови вскинул.

- С тобой? – уточнил, будто ещё кто-то тут был.

- Боишься? – прищурилась незнакомка.

- Девку? – выдохнул рыкарь. – Вот сейчас тебя выпорю!

Совсем распоясалась пред мужиком такие речи вести, негодница. Бросился к ней Слав, только увернулась она быстро, расхохоталась.

- Погоди, медведь, - будто в нутро самое ему смотрела. Никак ведунья. – Ежели я выиграю, со мной останешься! – делала ставку.

- А ежели я? – пробасил Слав.

- Проси, что хошь!

- Что хошь, говоришь, - обхватил рукой подбородок, задумчиво волосья на бороде наглаживая. – К Ягде меня сведёшь.

- А на что тебе?

- Эээээ, нет, - заулыбался Слав. – С ней сам речи вести буду. Ну так что? – протянул ладонь девке. – По рукам?

Никогда прежде ему не приходилось с такой бороться. Хоть и глядится мощней многих девок, да всё одно – баба. Негоже с такой в соперничество идти. Враз её сломит. Но ежели сама просит, отчего ж телеса мягкие не промять?

- Идёт, - вложила ладошку да как сожмёт, что Слав диву дался. Ладошка махонькая, а такая силища в ней сокрыта. – Спужался уж? – вновь захохотала белозубая.

- Ещё чего!

Расставил ноги широко рыкарь, руки раскинул, приготовился девку крутить. Да не тут то было. Обхватила она Слава, да давай из стороны в сторону раскачивать так, что сначала нога от земли оторвалась от неожиданности. Сильна, ох и сильна, а по ней и не скажешь.

Напрягся в полную мощь Слав, затрещали косточки под его хваткой стальной, крикнула девка, да не взмолилась о пощаде. А вдруг будто исчезла. А с груди рыкаря заяц выпорхнул, никак обернулась зверушкой. И поскакал заяц меж деревьев, только и знай, что догоняй. Точно ведьма!

Бросился в догонку Слав, и такой его азарт обуял, что расхохотался в беге быстром. А заяц серый петляет да всё дальше бежит.

Прыгнул Слав, да в прыжке бером обернулся. Бросился зайца догонять. Хотел тот в волка превратится, да успел его к земле прижать косяпый так, что чуть дух из зверя не вышел. Обернулся заяц девицей, тяжело дышит, а на плече одёжа от медвежьих когтей разъехалась, кожу обнажила.

Заревел медведь, а девка не боится, в глаза ему прям глядит, в самую душу. А пото руку протянула да по шёрстке провела.

- А хоть знаешь ты, кто я? – спрашивает, и пустил её бер, обратно в мужика оборачиваясь.

Стоит Слав пред незнакомкой, срам ладонями прикрывает, а она хохочет, с земли подымаясь.

- Неужто одёжи заговорённой нет? – удивлённо брови вскинула.

- Не слышал о такой.

- Не слышал он, - дразнит девка. – А ну.

Подошла ближе, вокруг обходя да на тело воина глядя. Хорош. Достоин. Саму Девану, жену Святобора сумел победить! Махнула рукой, невесть откуда порты на Славе появились. Тронул рукой – настоящие. Откуда такая?

- Как звать тебя, ведьма? – брови нахмурил.

- Не кличь ведьмой ту, кто ею не является, - тут же остудила его богиня. – Меня зовут Девана.

Только сейчас осознал Слав, что не простая дева пред ним, а потому склонился в поклоне, вставая на колено.

- Не признал, - приложил руку к груди.

Богиня это. Дочка Перуна! За зверьём приглядывает, чтоб охоту на них почём зря не вели. Кому сподмогает, кого наказывает. Вон, говорили, один охотник столько дичи настрелял, что вовек не съесть. Осерчала на него Девана, медведя позвала. Да так его тот отделал, ухо отодрал, кости намял, что сжалился Святобор, да помог сбежать. С той поры охотник носа в лес не кажет, токмо корзины плетёт. И звать его нынче стали Корноух.

- А ежели б узнал, не стал бороться бы? - насмешливо глядели её очи. – Да уж победил меня в честном бою, а потому секрет открою, как Ягду найти.

Она вытащила из кармана камень самоцветный, будто огонь в нём голубой горел.

- Вот, - протянула на верёвке подарок для Слава.

- Что такое? – поднялся он с колена, голубьё каменное принимая в ладонь.

- Подарок Ягде. Уж она рада ему будет, а за него что хошь тебе скажет.
 - Что хошь, говоришь, - взялся за верёвку Слав, камень на весу разглядывая. Крутится самоцвет, а в нём будто жизнь чья-то трепещет.
 - Да смотри не стеряй! – предупредила его Девана. – А мне пора.
- Развернулась, уйти намереваясь, как окликнул её рыкарь.
- Благодарю за помощь, - кивнул берегине. – И за порты, - хлопнул себя по бедру.
 - Обычные это. А будешь у Ягды, так поспрошай, чтоб заговорённую одежду подарила.
- Ну, прощай.
- Сказала и взметнулась хищной птицей к небесам, только Слав её и видал. Он повесил камень на шею и пошёл к дурню, зная теперича, что Ягда и сама его разыщет.

Глава 18

Далеко улетел Змий от своей пещеры. Всё думал. Пущай девка пообвыкнет сперва, осмотрится. А там, глядишь, и к нему ласковой станет. Не врут боги. Зазря что ль Лада свечу в чужие земли унесла? Как зажглась в руках девки, враз почуял Лесьяр жар, что его чрез поля и горы зовёт. Что поёт для него сладостно, заставляя, крылов не жалея, лететь всё дальше за ладой своей.

И какие силы только сподмогли, как оказался он уж у деревни незнакомой, да увидал огонь. Враз познал: тот самый, что сам некогда зажигал. И свеча, как есть, самим Рода данная.

Тянут девки песнь невестину. Знать, одна из них замуж собралась. Та, что в рубахе расшитой, что огонёк в ладонях держит. Его невеста.

Не в силах с тягой совладать, махнул сильней крылами, подлетел к девке, а та бежать. Куда ж ты, махонькая? От Змия разве спрячешься?

Ухватил так, чтоб не навредить, да вверх поднял, а она знай свечу держит, будто драгоценность. Видать, много для ней значит. Знала б, что на самом деле таит свеча, может, и в руки никогда б не взяла.

Только теперича его будет, так на роду написано. Пусть и сама не ведаёт, что наречён он ей самой Ладой. Пусть и не чувствует, как скоро любовью сердце к нему обуюет.

Только обратно вертаться надобно, уж солнце над миром трепещет, небо красками расцвечивает. Да и ему следует Вилу разыскать, что будто сквозь землю провалилась. И надо ж было ему помогать ей, да токмо сжалился, к себе забрал, когда слёзы она горячие лила.

А было дело вот как.

Прилетел однажды Лесьяр к горам высоким, как видит дева красная плачет. Обратился он в человека да спросил, что случилось. Оказалось, украл у неё парень крылья да себе подчинить хотел. И увёл её из родных краёв за собой вслед, и быть ей теперь девкой до скончанья века у него в прислужницах.

- Возьми с собой. – взмолилась. – Унеси туда, чтоб не сыскал. Плохой человек, - тараторила, - не любит меня, руку подымает.

Обернулся Лесьяр Змием, подставил Виле крыло и поднялся ввысь. Чудище, а с сердцем добрым. А там уж парень бежит, у кого он девку умыкнул.

Так и осталась у него Вила на острове. Только больно уж приставуча была. Как узрела, что богатства несметные Горыня хранит, так и глаза загорелись. Захотелось ей златом да камнями владеть, потому и ласку свою она ему и так, и этак выказывает. Приголубит, а сама всё про злато и серебро думает.

- Буду любовой твоей, - примеряет серьги да в таз серебряный глядится. Ох и хороша. Блестит злато, а на нём изумруды переливаются, что тремя камушками я ряд.

- Не моя ты, Вила. Чует сердце, ходит по земле та, что предначертана, - говорил каждый раз Лесьяр.

Токмо одно дело разговоры весть, а другое девку на Рёдрый принести.

Сразу поняла Вила, что уйти ей придётся, потому схоронилась, как Горыня за ней к домику прилетел. Откупиться хотел. Богатством наградить да на землю большую спроводить. Но не тут-то было. Вздумала Вила девку извести. А там не будет Сияны, так и она полноправной хозяйкой станет. Уж не будет Горыня горевать, её в жёны возьмёт.

Летит Лесьяр, остров свой издали видя. Как глядит, мерцает у самой воды огонёк. Забилося сердце скорее. Никак, сама Сияна зажгла, захотела свидеться? Пуще крылами замахал, боялся, как бы не передумала, да не сбежала. Видать, яблочки по вкусу пришлись. И не ведаёт, что красоты в ней теперь ещё больше. Яблочки-то не простые. Ланиты румянят, кожу ещё бархатней делают.

Опустился на песок Горыня, а девка из-за камня будто на него смотрит, боится.

- Ну что ты, что ты, - говорит ласково, а она его рукой манит. Мол, подойди.

Не спужалась.

Приняла.

Только чувство будто странное, что нет меж ними нитки, что прежде натянутой струной звенела.

- Подиини, - шепчет дева, и Лесьяр тут же к камню большому подобрался.

- Боишься? – ладонью свою её накрыл, а она тут же руку его за собой потянула, в темноту свода уводя. Отступает всё дальше, а он за ней ведомый.

Горит огонёк в ладонях хрупких, да чуть ли не чадит.

А девка так ласково ему на лицо ручку положила и ласкает. Прикрыл глаза Лесьяр, ласку принимая, как чувствует, его губ девичьи коснулись, жаром опаляя. И ответил ей призывно, обхватывая тонкий стан. Радуюсь, что нет боле меж ними никакой препоны. Только отчего-то не так в нём раньше всё отзывалось, когда он Сияны касался. Будто изменилась она вовсе.

Отпрянул от ней, свечку выхватывая, и поднёс к лику, чтоб получше разглядеть, а пред ним, как есть, - Вида.

- Ты?! - взревел Лесьяр, брови сурово сдвигая. Ухватил девку за плечико и на свет божий вывел. – Где свечу взяла, говори? – тряхнул так, что в голове у той всё помутилось.

- Так нашла, - врала Вила. – Шла по лесу, гляжу – свеча. Кажись, у тебя такая ж была. Думала, мож твоя...

- Врёшь, - толкнул её Лесьяр на песок, над Вилой нависая. – Говори, где Сияна?

- Не ведаю, - принялась тут же плакать, будто обидел её Горыня. – Нашла свечку, ей богу, нашла.

- Где?!

- Да в леску, аккурат недалече избушки. Да пошто на меня серчаеш так? – ревела Вила, разжалобить Змия пытаясь. – Люблю тебя. Всем сердцем люблю, - руки к груди прислонила.

— А ты холодный такой, как жаба!

- Ууууух, - замахнувся на неї Лесьяр. да нічого не сделал. В лес бросился, девку искать.

- Сияяяяяяяянааааааааааа, - разносилось по округе.

Только не слыхала его Сияна, а, может, уж боле и никого не услышит.

Глава 19

Еле поспекает Заряна, уж совсем из сил выбилась. А рыкарь, неутомный, всё вперёд бежит. Нет-нет, поведёт носом воздух, будто по следу какому невиданному идёт. Как вдруг остановился так резко, что девка на его спину наткнулась, да чуть нос себе не расквасила.

- Цыц! – приказал Слав, глаз с чего-то не сводя.

Глянула из-за него Заряна, а на пеньке кот сидит. Да такой чёрный, что без единого пятна, как ночь непроглядная. Токмо глаза изумрудами горят, будто не глаза то вовсе, а камешки самоцветные.

Не моргает зверь, а в самое нутро рыкаря глядит, туда, где камешек припрятан, аккуратно под рубахой. А Слав будто и понял. Осторожно руку поднял и за верёвку потянул. Выбрался на свет голубой кристалл, а коту будто того и надобно. Враз с пенька прыгнул, хвост трубой поднял и плавно дерево поваленное перескочил. А Слав за ним собрался, с тропинки свернул да в самую чашу.

- Мож, прямком дале? – пыталась вразумить его Заряна.

- Мож и так, - согласился Слав. – Иди, а мне сюды надобно.

Поначалу ничего, а потом дерева всё гуще и гуще. Идёт рыкарь, ветви руками разгребает. Сомкнулись так, что дороги не видать. Царапают ветки, цепляются за одежду, идти мешают. Заряна уж несколько раз меж камней сапоги теряла. Приходилось тащить. Устала так, что готова вот тут упасть прям да не ходить никуда. А спина рыкаря всё дальше и дальше от глаз скрывается. Да поди позови, не вертается. Будто кот ему голову запутал.

И всё ж вышли они к избушке, что на поляне стояла. Да не простая. Ноги у неё на целый рост человеческий от землицы подымают, стены мхом поросли, а на трубе ворон чёрный службу несёт. Угольками глаз на гостей поглядывает, слова не проронит.

Послышался стук, и тут же изба поворачиваться стала. Скрипит, побряхтывает, с ноги на ногу переступает, хозяйку явить намерена.

Забилось сердце от страха у Заряны. Никогда прежде не видала страсти такой. Никак сама Ягда сейчас пред ней предстанет. А что ежели впрямь есть их будет? Ухватила за плечо рыкаря, вжала так пальцами, что побелели. А сама из-за спины его поглядывает.

- Мож, идти отсюда надобно? – на ухо шепчет.

А тому и приятны касанья эти, и оттолкнуть охота. Наградил Перун незнамо кем. Токмо терпеть придётся ещё не один день дурня.

Повернулась всё ж изба да будто выдохнула. Устала. Замерла, а на крылечке старуха сидит. Волосья длинные, серебрятся, нос крючком, на голове платок, двумя ушами в стороны смотрит на маковке. Платье того и гляди в труху рассыплется, а на плечах тужурка мехом наыверт.

- Ну, - брови сдвинула, глазами на гостей глядит. – Чего просить станешь? – к Славу обратилась.

- Прям так с дороги? – усмехнулся тот в усы. – А накормить? Напоить? В банке искупать? Заряна испуганно ахнула. Токмо не зал Слав, что про баньку слова её спужали.

- Где ж у меня тут ты баньку видал? – усмехнулась Ягда.

- А ты найди, - играл с ней рыкарь. – Неужто за такую вещицу и баньку не стоишь?

Явил на свет сызнова камушек, и загорелись глаза старухи, вонзились в самую серединку. Аж ноздри от удовольствия раздулись.

- Токмо это ж не всё, - набивал цену Слав.

- Наглец, - усмехнулась Ягда.

- Поведаеть мне, куда путь держать, чтоб Горыныча найти.

- Змия?! – уточнила.

- Его.

- А к чему ж тебе Горыня?

- А до того уж тебе дела нет.

Стоит за спиной рыкаря Заряна, как за каменной стеной себя чувствует. Поди ж ты, с самой Ягдой тот торг ведёт. Не боится, не мямлит. И такое уваженье у неё к нему поднялось, чтоб обласкать захотелось, в глаза по-доброму глянуть.

- И накормить, и баньку, и дорожку к острову? – перечисляет Ягда.

- А ещё порты мне волшебные сдаришь.

- Портыыы?! – округлила глаза Ягда, на одежду его глядя. – Мож ещё хозяином леса? – посмеялась над его жадностью.

- А вот этого стоит, - отмёл предложение Слав. – Заговорённые порты надобно.

- Оборотник, - повела носом. И так его за версту учуяла. Бером несёт. Потому Баюн скоренько рыкаря и нашёл да к избушке привёл. Да ужась как кристалл голубой нужен. На всё готова ради такого.

- Ну, давай камешек, - руку костлявую протянула.

Токмо Слав дурачком не был. Спрятал тот за пазухой.

- За работу потом и получишь.

- Будут тебе порты, - упёрлась руками в колени, с крыльца подымаясь. – И обед, - повернулась к ним горбатой спиной, - из мухоморов, - добавила еле слышно. – Избушкааааааааа, - скомандовала. – Пустите гостей.

Подняла избушка одну ногу, потянула, потом другую, а потом и поклонилась, в нутро своё приглашая. Дверца туды-сюды трепыхается, того и гляди по голове заденет.

Первым ступил Слав, а Уйка всё взобраться не мог.

- Вот уж, - начал было рыкарь, да хватанул того за рубаху, что ткань затрещала, и втянул внутрь.

Распахнула глазья Заряна, стены разглядывая, всё ей страшно да интересно. А как на взгляд колкий старухи наткнулась, так и съежилась. Пристально глядела Ягда, будто видала её насквозь.

- А что за камушек? – не смогла Заряна вопроса в себе сдержать.

- Завтра скажу, девка, - проскрежетала старуха.

Глава 20

Клокочет Смородина, бурлит, новую душу в себя принимая. Обхватила Сияну и тащит на дно-пучину, кружит, водами своими, обжигая. И такая боль по членам разливается, что кричать что есть мочи охота.

- Ааааа, - да потонул её крик, забулькало горло, заклокотало от водицы. Подхватил водоворот, закручивая всё сильнее, и простилась девка с жизнью, сознание теряя.

- А я тебе говорю, что живая!

- Да когда ты видала, чтоб тут живые хаживали? Будто не ведаешь, как заведено.

- Непростая она, гляди.

С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.